

Виктор Елисеев

MEDIAГРЕХ

скупка душ в рекламных целях

Виктор Елисеев

Mediaгpex

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9305324
Mediaгpex / Виктор Елисеев: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089578-6

Аннотация

В традиционные устои небольшого городка врывается скандальный эпатаж молодежной газеты «Next». Ее главный редактор – Максим Линчев, известный Повелас, талантливый организатор и маркетолог. Редакция еженедельника экспериментирует с острыми темами, организовывая череду экстравагантных проектов. Чтобы повысить рейтинг газеты, попавшей под давление чиновников, редколлегия проводит самую эксцентричную PR-акцию. Дерзкий рекламный ход «желтой газеты» бросает вызов читателям: на страницах издания публикуется договор о покупке душ.

Удастся ли Максиму, ставшему успешным бизнесменом, но в вихре медиажизни потерявшему свою единственную любовь, исправить ошибки молодости. Спустя пятнадцать лет ему предстоит разыскать продавцов душ и расторгнуть греховную сделку.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	26
Глава седьмая	31
Глава восьмая	33
Глава девятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Елисеев

Mediaгрех

© Елисеев В., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

© Иллюстрации А. Николаенко, 2015

* * *

Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?
Евангелие от Марка 8:36,37

Часть первая

Глава первая Собеседование *Максим Линчев*

Если честно, на собеседование в сеть спортивных магазинов с пивным названием «Бадлер Спорт» я идти не очень-то и хотел. Но мой старинный приятель Олега (да, мы звали его именно Олега, а не Олег) Орлов уверил, что у меня высочайшие шансы стать рекламным менеджером.

– А на фига мне это вообще надо? – спросил я.

В ту пору я работал на городском телеканале ведущим. Вел пару молодежных передач и вообще был доволен собой и даже немножко счастлив. Кроме того, свое будущее я видел абсолютно ясно. Это телевидение: сперва ведущий, потом автор собственной передачи, потом (в этом тоже сомнений не было) – столица, хотя и в нашем миллионнике можно достичь не меньших высот, чем в Москве.

– Да я знаю их владельца, Тимура Кахиева, он с батей моим кентуется, – ответил Олега. – Дядька вообще офигенный. Я тебе говорю, очень прикольный. Ты с ним если сработаешься, ты вырастешь в сто раз выше, чем на телике своем идиотском.

Я обиделся за телик и собирался уже послать Олегу, но потом задумался. При всем уважении к своим передачам мои престарелые телемэтры постоянно за мной следили и не забывали время от времени давать мне по рукам, чтобы не думал слишком много про свободу и не возносился куда не надо.

– Ты ж весь из себя креативный, а Тимур он такой, ну как бы таких и ищет. У него были до этого унылые типы, всякую ерунду придумывали, он их всех повыгонял. Короче, и ищет молодого, чтобы мозги не были промыты. Мне батя сказал, а я сразу про тебя подумал.

В итоге я подумал-подумал, положил в папку свои не очень многочисленные подборки работ по рекламе, договорился по телефону, который дал Олега, о собеседовании и отправился на встречу.

Я вообще довольно удачливый парень, если сравнивать с моими ровесниками. Помимо вуза мне удалось пройти языковую практику в Лондоне, у меня были неплохой опыт стажировки в рекламе и весьма успешная работа на телевидении. Но! Все это на меня не с небес свалилось. Многое, чего я добился, я делал наперекор – учителям, преподавателям, родителям, самому себе, в конце концов...

Так было и с первой работой на ТВ. Мое желание стать телеведущим дома было встречено смехом.

– С твоей-то дикцией только стоматологом работать, – мать с бабушкой потешались за чашкой чая.

Признаюсь, тогда, в шестнадцать лет, я и сам не сильно-то верил в успех своей мечты. Куча юношеских страхов, комплексов, тем не менее, не остановила меня пройти курсы телеведущих. Но об этом позже. На эту собеседку я решил тоже пойти наперекор. Уж чего мечтать, казалось бы: ведущий на телевидении, блестящее будущее – ан нет. Все готов бросить и пойти в какой-то дурацкий магазин спортивных товаров. Ради интереса.

Презрение и равнодушие – вот чем я был переполнен. Это было не первое мое собеседование, и мне, в сущности, было все равно: возьмут меня или нет. В коридоре на стульях передо мной сидели потасканные конкуренты, и я им улыбался, а рыженькой несчастной

девчушке даже подмигнул. У них, как и у меня, наверняка был за плечами престижный вуз, не менее пафосная запись в красном дипломе: что-нибудь типа «Экономист по специальности “Реклама и связи с общественностью”», рекомендации преподавателей, куча статей в разных изданиях, небольшой опыт работы в рекламе... И что? Кто-то идет вперед, а кто-то – назад. Сперва они выглядят так же, как я: уверенные, довольные, серьезные. Потом, со временем, неудачи сгибают их, сутулят им плечи, они становятся более потасканными и каждую встречу с работодателем уже воспринимают как последний шанс. Причем даже сами верят в то, что ничего не получится.

Пару раз, еще давно, я тоже попадал в силки своей неуверенности и был за это наказан. Все проходило по одной схеме:

– Так, ну диплом нам неинтересен. В переходах такие продаются. Расскажите о вашем опыте.

– Публиковался там-то и там-то. Практиковался тут-то и тут-то. Вот рекомендации.

– Ну, рекомендации нам тоже не нужны... Опыт у вас не особенный. Да и публикаций немного. В общем, мы с вами свяжемся. До свидания.

Ничего им не нужно, короче.

Сперва я решил, что это из-за поведения или одежды. Как только не экспериментировал! Сперва в костюме с галстуком ходил, типа офисный умник. Нет, отказали. Ладно, оделся в рванье – креативный тип! Тоже от ворот поворот. Может, думаю, слишком я развязный? Стал поскромнее себя вести, как Знайка. Не работает. Начал наглее: я самый лучший, такого красавчика нигде не найти! Ничего, найдем, до свидания!

А потом я перестроил систему поведения: равнодушие, презрение, уверенность. И меня сразу взяли на канал. Так, видимо, везде надо – и с женщинами, и по жизни. Вот именно поэтому на это собеседование я пришел весь преисполненный равнодушия и презрения. Текст на сайте вывесили – мама не горюй. Играют в креативность. А сами снобы и тупицы. Ненавижу таких. Уже на пятнадцать минут опаздывает. Если время не умеет ценить, то зачем это от других требовать?

«Сеть спортивных магазинов **“Бадлер Спорт”** приглашает в свои дружные ряды... – а, каково? *Дружные, блин, ряды*, – менеджера по рекламе. От вас: творческое безумие, желание идти до конца и ломать шаблоны. От нас – деньги, уважение, дружба и любовь».

Любовь. Взбесили меня. Ладно, посмотрим, пообщаемся.

Предыдущий кандидат выскочил из кабинета со словами: «Твою же мать!..» – и быстро скрылся за дверью приемной. Я впервые за последние недели хоть что-то почувствовал, идя на собеседование. Это чувство было похоже на любопытство. В кои-то веки собеседование вел не кадровик, а сам директор. Такого я еще не видел, а может быть, Олега оказался прав и этот Тимур в самом деле интересный типчик.

Может, предложит по последней немецкой моде, поехать ко мне домой и осмотреть шкафы? Чтобы узнать, как у меня с самоорганизацией и дисциплиной? Или будет моделировать экстренную ситуацию, требующую немедленного принятия решений?

Зайдя, я увидел не совсем обычный кабинет и совсем обычного человека в обычном кресле. Совсем неспортивного, начинающего толстеть дядечку за тридцать. Равнодушие навалилось снова.

– Здравствуйте. – Заученным жестом, не слишком сильно и не слишком вяло, я пожал протянутую через стол руку.

– Здравствуйте, – мужчина заглянул в распечатанное резюме, – э-э-э... Максим.

Повисла тишина. Из кресла на меня смотрели два внимательных глаза. Я ничего не мог прочитать по ним. Да и не хотел. Пожалуйста, можно и в гляделки поиграть.

Мужчина поерзал в своем кресле и поднял телефонную трубку:
– Мариночка, мне кофе, как всегда.

Сделав секретарше заказ, он занялся своими делами. Стал просматривать какие-то бумаги и что-то в них подчеркивать. Вошла Мариночка с подносом.

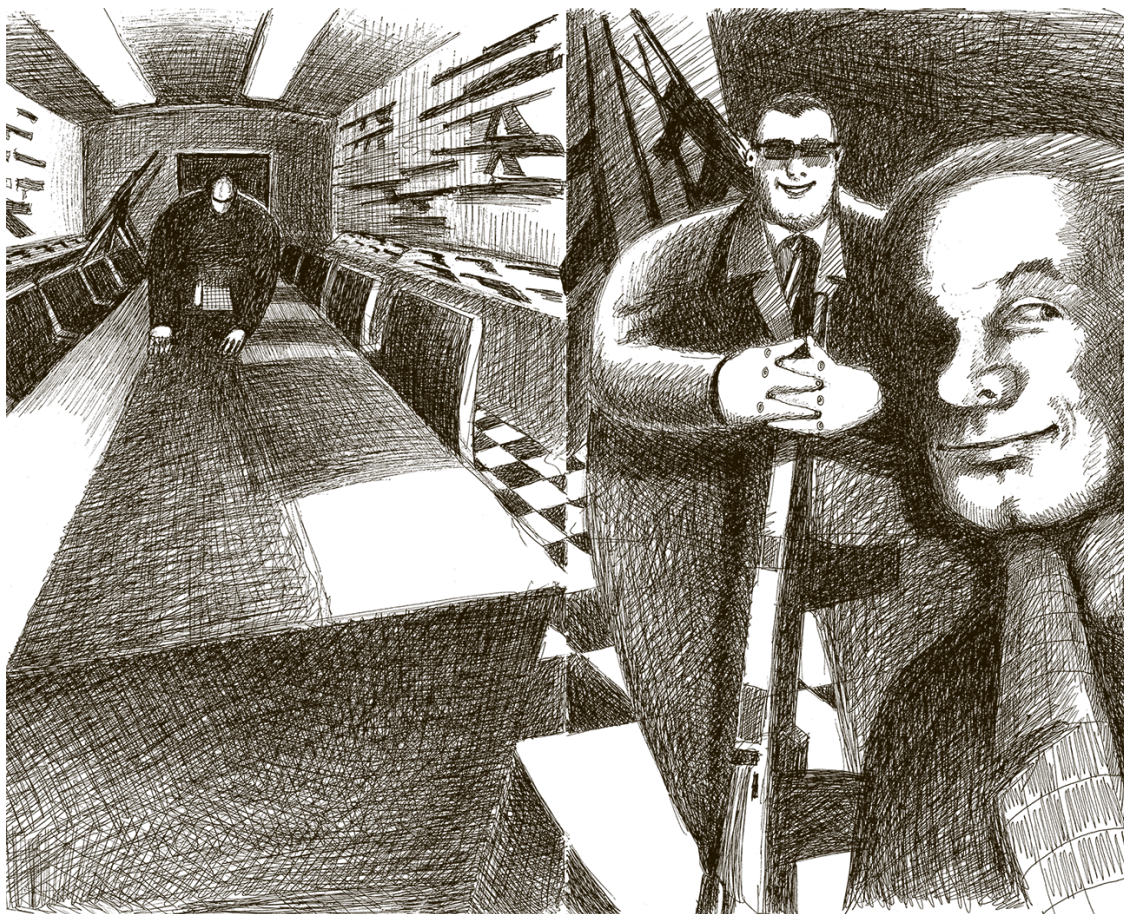
Высокая, подтянутая, длинные светлые густые волосы стянуты сзади в большой тугий узел. Интересно, а если этот узел развязать, то волосы до попы достанут? А если их вокруг кулака обмотать, то сколько раз обмотается? Три? Тут я поймал себя на том, что пялюсь на секретаршу и думаю немного не о том, о чем следует думать на собеседовании.

Она поставила кофе, посмотрев на мужчину особенным взглядом, полным непонятных чувств, и вышла, унеся с собой волосы, будоражащие воображение. Мужчина продолжал заниматься своими делами, словно меня и не было в его кабинете.

А и черт с тобой, могу и посидеть, все равно идти некуда, на канале отпросился до конца дня. Я принялся изучать комнату, немного бесцеремонно.

На стенах развешаны автоматы, винтовки, и даже несколько пулеметов было. Из разных стран и разных эпох. Я узнал трехлинейную винтовку Мосина, с которой сражались еще в Первую мировую, пулемет Максима, ну и, конечно, ППШ, шмайсер, калашников и М-16.

Стол был огромный и стоял буквой «Т». Тимур сидел за верхней перекладиной, отгородившись от меня длиннющим лакированным деревом. Если верить психологам, чем длиннее приставка к столу, тем больше комплексов у хозяина этой мебели.

Офигенно, дядя, ты себе кабинет украсил. Брутально, серьезно, угрожающе. Похоже, комплексов у тебя немерено. Ага? И зачем сразу три монитора воткнул возле себя?

– Максим, кофе, чаю, может быть? – наконец вспомнил Тимур и обо мне.

Он отодвинул стул, закинув ногу на ногу, расстегнул пиджак.

Я слегка приподнялся на стуле и ответил:

– Вы знаете, в первые десять минут ожидания я хотел кофе, потом подумывал о чае, но сейчас, – я взглянул на часы, – двадцать семь минут спустя, мне что-то расхотелось.

Тимур улыбнулся:

– Примите мои извинения, Максим. Как вы понимаете, у нас довольно крупная компания, и порой загруженность текущими делами заставляет немного сдвигать рамки намеченных встреч.

Наглый говнюк, который считает себя королем! Ну что же, давай поиграем.

– Однако признайтесь, Тимур, если бы моя фамилия была Березовский, вы бы вряд ли опоздали. – Я вернул ему улыбку обратно.

Он разложил на столе содержимое папки и с интересом посмотрел на меня:

– Но пока вы не сменили фамилию, Максим, может, начнем собеседование?

– Я весь в вашем распоряжении. Добавлю. Всем вам нужен креативный, молодой, энергичный, но все начинают с одного и того же – устаревшего, скучного и неинтересного. Рассказ о себе, моя мотивация, мои успехи – все это есть у вас, в моем резюме. А вот что написано от вас – совсем другой вопрос.

– Максим, не расстраивайте меня. – Тимур снова взял строгий тон. – На нашем сайте все написано: «От вас – творческое безумие, желание идти до конца и ломать шаблоны. От нас – деньги, уважение, дружба и любовь». Как у вас с шаблонами, Максим? Сколько у вас друзей?

– Шаблоны можно и поломать, друзей – сосчитать... – Я почувствовал, что Тимур ловко перехватил инициативу.

«Черт побери, – подумал я, – тут, похоже, ждут чего-то другого. Надо играть по его правилам. Ломать, говоришь, шаблоны? Да без проблем. Так сейчас наломаем, будете до утра обломки собирать». Я нахохлился, как тетерев.

– Просто отвечайте на мои вопросы, – наконец сказал Тимур и плотоядно улыбнулся.

– Я готов.

– Вам нравится делать кунилингус?

Я прекрасно расслышал это слово, но так опешил, что чуть было не переспросил «чего-чего». Вопрос был с подвохом, да и город у нас весьма традиционных устоев... Кроме того, я слышал, что за ответ «да» на зоне сразу загоняют под нары. Скажешь «не нравится», он ответит «значит – делал!». Поэтому и решил ответить, как ответил бы пацан на прописке в камере.

– Я парень брутальный, такими глупостями не занимаюсь.

Тимур улыбнулся.

– А какие позы предпочитаете в сексе?

Это уже было перебором. Я же в спортивный магазин устраиваюсь, а не порноактером. Хотя эту Мариночку я бы откастинговал... Ну что, посылать его и уходить? Или продолжим эту странную игру?

– Под настроение. Когда я в ударе – то классическую и «раком». Когда устал – то чтобы девочка сверху. Иногда нравится «ложкой», когда на боку лежишь.

– То есть вы не очень изобретательны в постели?

– Изобретательным надо быть в НИИ, – ответил я, – а в постели надо трахаться.

Тимур с удовольствием кивнул.

– Вам нравится, когда женщина испытывает оргазм?

– Нравится, конечно. Кому же это не нравится.

– А почему?

– Чувствую себя героем-любовником. Вроде бы не особенно старался, ничего там не колдовал, скорее все для себя делал, а она – раз! – и фейерверки.

– Сколько раз вы можете кончить сами?

– Максимум три. Можно больше, но это уже без особого удовольствия. Максимум был шесть раз, но это за всю ночь. С большими перерывами.

– Вы участвовали в групповом сексе?

– Пока не приходилось.

– Отлично. – Тимур потер ладони. – Я это, конечно, не просто так спрашивал. Это мое мнение, и оно, отмечу, меня пока не подводило. Э-э-э, отношение к сексу – это важнейший показатель человека, который мне нужен. Его мужской (или женской) силы, харизмы, умения радоваться жизни и так далее. Спорт очень близок к сексу в своей основе. Хороший секс достигается путем многочисленных тренировок. Здесь сплошные спортивные приемы: вовремя начать, сохранить темп, правильное дыхание, не опоздать на финише. Секс – это стопроцентное физическое упражнение. Благодаря ему мы живем дольше и медленнее стареем. То же можно сказать и о спорте, ведь так?

Я кивнул в ответ. Тимур не останавливался в сравнениях.

– Секс и спорт делают людей крепче, увереннее и привлекательнее. Поиск сексуального партнера как борьба за первенство. В обоих случаях наградой является победа. Оргазм! Как спортсмен ориентирован на рекордный результат, так и мужчина желает овладеть привлекательной женщиной. На стадионе, в спортзале мы боремся за свое место под солнцем. Быть лучше, совершеннее, чтобы нравиться противоположному полу, – вот самоцель бытия. Знаете ли вы, Максим, что при занятиях сексом пульс увеличивается с 70 до 150 ударов в минуту? Также и в спорте. Эти совпадения продиктованы самой природой. – Тимур замолчал на пару секунд. – Для меня спорт – это еще и бизнес. В своих магазинах я не просто продаю тренажеры и ракетки для тенниса. Я дарю надежду людям. Веру в себя. Веру в новую жизнь, где спорттовары – это только инструменты. Вы понимаете?

Я кивнул. Хотя на самом деле не очень понял. Мне показалось, что у этого закомплексованного автоматчика крыша поехала на теме секса. Таких ораторов обычно можно встретить на сцене среди сектантов. Тоже мне, нашелся «агент-provokator». Выудил из меня мои потаенные истории (а я их никому не рассказывал вот так, запросто) и грузит своей грязной философией.

– Тимур, это все, конечно, очень хорошо, но я бы хотел поговорить теперь на языке бизнеса.

Тимур удивленно поднял брови, а я продолжал, чувствуя, что на этот раз сам застал его врасплох:

– Опишите вкратце основную вашу проблему по специфике моей работы, что вы от меня ждете, решение каких задач вам необходимо. А я предложу вам, и пока совершенно бесплатно, несколько своих идей. И по результатам мы оговорим мою зарплату. Как вам такой вариант, Тимур?

Это был открытый вызов с моей стороны, и спасовать он не мог. Не в его характере. Определенно. Он откинулся на стуле и удивленно посмотрел на меня.

– Вот даже как, с места в карьер, значит... Ну хорошо, Максим, – усмехнулся он и побарабанил пальцами по столу, – попробуйте. Итак, исходные данные: продажи спортивного инвентаря упали на 17 процентов за последний год при прежней средней посещаемости. Благодаря широкой сети магазинов потери пока не так ощутимы, но тенденция налицо. Акции и скидки дают небольшой прирост, но только в пределах пяти процентов от общей потери. Реклама продукта желаемого результата не принесла. Ваши действия?

Я опустил голову вниз, изображая задумчивость. На самом деле ответ мне был известен, потому что именно к этому вопросу я и подвел своего экзаменатора. Всю предыдущую неделю я изучал их рекламу, ролики и акции. Скучное ни о чем в стиле «купи три гантели и получи четвертую в подарок» и грудастые блондинки на велотренажерах.

Я поднял голову:

– Полностью остановить всю рекламу бренда и товаров на пару месяцев. Уволить маркетолога и пиарщика, если они вообще есть. Собрать команду для мозгового штурма, а еще лучше пригласить специалиста на аутсорсе. И после затишья – массовый вброс, но перестаньте рекламировать тренажеры, это глупо и старо. Рекламируйте мощь и скорость, рекламируйте образ жизни, а не средства его достижения. Сделайте персональные скидочные карты градации «платина» и «стандарт», например.

Тимур молчал, а я продолжил:

– Даже если в дальнейшем ими будут делать только дорожки кокаина, неважно, все равно будут на виду. Персональную карту человек выкидывает лишь в семи процентах из ста, и это статистика, можете проверить у своих маркетологов. Я гарантирую как минимум возврат прежних продаж примерно через полгода, через год у вас будет прирост еще на десять процентов. Вот примерно так, Тимур. Ну, это навскидку, сами понимаете.

Тимур молчал, барабанил пальцами по своему столу-миноносцу, а я понял, что эту дурацкую комедию пора заканчивать. Встал, собрал свои картинки обратно в папку (зачем я их приносил? все равно никто даже не взглянул) и напряженно произнес:

– Ладно! Как там у вас говорится? Спасибо, мы с вами обязательно свяжемся? До свидания!

И я направился к выходу.

– Стой! – Тимур тоже поднялся. – Поступим так, – заговорил он, прохаживаясь по кабинету, – я беру тебя на работу, проверим боем, что у тебя там еще в башке есть.

Тимур подошел ко мне. Внимательные глаза словно попытались просверлить мою черепушку насквозь, хотя со стороны это выглядело несколько комично.

– По рукам? – наконец спросил Тимур.

– По рукам, – выдохнул я, пока сам не понимая, на что и зачем согласился.

Глава вторая

Письмо счастья

Что-то вообще какая-то полная непонятка получается. Странный этот босс... Вышел я из кабинета, ко мне подбегают конкуренты: «Ну что, как? Что спрашивает?».

Точно как из экзаменационной аудитории: «Что, сильно препод режет?» Ну а я такой, как будто с пятеркой в зачетке уже: да, режет, да, строгий, но если учил хорошо и сам дерзкий – то нормально все будет.

А потом вышел, репу чешу... Что-то не то... Почему он меня пригласил-то? Зачем? Может, типа шутка такая? Пошутили, посмеялись, он, по-видимому, человек веселый. Сейчас сидит со своей Катенькой или как там ее, гладит ее по ноге, и оба хохочут. Ну что теперь? Злиться? Обижаться? Ерунда. В принципе получилось в самом деле прикольно.

Короче, надо поступить так. Денег немного осталось, так что имеет смысл где-нибудь затусить и для повышения бойцовского духа кого-нибудь поднять!

Бар назывался «Тема». Толик, университетский дружбан из Уренгоя, с которым я решил встретиться, за что-то беззаветно его любил. Ну и я тоже, за компанию. Хотя само заведение мне не нравилось.

Кирпичные стены. Стремные фотки тусующихся клиентов в рамках. Неоновый свет бьет по глазам. В общем, поначалу хрен поймешь, как на самом деле выглядят эти резвящиеся телки.

Но все по фигу.

– Уренгойское газовое месторождение – третье в мире по величине запасов, – мычит Толик, вываливая купюры на барную стойку.

Его папаню, сидящего на газовой трубе, такими расходами не разоришь. Так что пить мне шаровые коктейли всю ночь напролет, не жалея печени и газовых запасов Российской Федерации.

Вообще-то для пикапа Толян – не лучшая компания. Это не так, как у девок: если одна страшная, то вторая на ее фоне выезжает. Мой «фон» своей рожей даже вышибал отпугивает. Сейчас, например, так он напряженно изучает телок на танцполе, что на лбу пот выступил. И при этом вид у него, как у неуверенного стервятника. Похоже, наметанным глазом самую пьяную ищет.

На часах – 23.12. Кто не знает, время с одиннадцати до двенадцати – лучшее для съема. Потому что в этот час все золушки еще при параде. Макияж не пополз, колготки без стрелок, пачка сигарет не докурена... Тут у них и появляется легкое такое беспокойство: «Мать твою так... Когда же я туфельку потеряю?»

Так вот улов у меня в тот вечер был что надо. Все золушки как на подбор. И рожа, и кожа, и сиськи на месте. Снимать с таких туфельки – одно удовольствие. Если б не Толик... Короче, в течение часа обломал он мое личное счастье раз эдак пять своим старомодным сленгом:

– Ну чё, тусанем?

– А ты сёдня отжигашь...

– Чика, а ты отпадная!

Примерно с такими тупыми вопросами он подъезжал каждый раз, когда все уже было на мази. Ну и финал был очевиден.

После полуночи в баре остались в основном «тыквы». И казалось, насиловать печень – единственно верное занятие. Благо три коктейля спустя в бар на полусогнутых впархивают две подружки. И одна явно заслуживает моего нетрезвого внимания. Хорошо, Толик пошел отлить.

Значит, так: стройная брюнетка, девятнадцать лет, зовут Ника. Имя мне сразу не понравилось. Дурацкое. Только вот запоминать его было незачем, и это стало понятно после пяти минут разговора.

Студентка журфака. Говорит много, не по делу, но с энтузиазмом. Рисует, причем неумело. Якобы мечтает побывать в африканских странах и снять документалку о ВИЧ-инфицированных детях. Читай: хочет потусить на сафари и фоткаться на кровати в номере местного «Хилтона». Если он там есть, конечно...

– Африка? Неожиданно! – делаю вид, что заценил ее легенду. – Есть у меня, кстати, одна маска из Габона. Бог войны народа фанг, кажется...

Как я и думал... От упоминания «народа фанг» брови у нее ползут кверху, лицо окончательно глупеет. О чем говорить дальше? На всякий случай она понимающе улыбается. Потом нервно хватается за спасительную соломинку, торчащую из стакана, и принимается за коктейль. Хороший знак. Если жертва в панике, охотнику это только на руку.

– Хочешь, покажу?

– Ну давай. – Тут же она принимает позу заинтересованности, вываливая из декольте верхнюю часть своих прелестей, да таких приличных, что было почти не жаль денег на такси.

Несколько часов спустя я благодарил весь народ фанг и каждого фанга в отдельности.

Все маски мы сняли еще на полу в прихожей. Сексом она занималась с интересом дебютантки: увлеченно, хотя и неопытно. Страсти не было. Я отбарабанил механически, она лежала на спине и смотрела в потолок, хорошо хоть стонала. И наконец заткнулась.

Правда, стоило мне завалиться на бок, как она опять начала тарыхтеть. Черт его знает, чего им после секса спать не хочется? Ладно, утром разберемся.

Проснувшись, я сразу учуял запах еды и с неудовольствием понял, что избавляться от любительницы Африки надо было еще вчера.

Не успеваю трусы натянуть, как появляется она с подносом в руках. И лицо у нее такое буднично-радостное, как будто мы годами вместе завтракаем. И на губах уже все эти фразы: «а давай заведем кошку» или «переставим мебель вот так».

Облом тебе, девочка. И незамедлительный...

– Ты меня прости, красотка, нужно срочно бежать. Опаздываю на работу, счастливые времени не наблюдают, сама знаешь. На сбор у нас не более десяти минут, иначе мне крышка.

Ника понимающе кивнула, натягивая джинсы.

– А как же завтрак?

– Обещаю оценить твои кулинарные способности только по возвращении, вечером. Клянусь, не оставлю и крошки. Тебе заказать такси? Ты спускайся, я следом. В душ вот только заскочу.

Последние слова я заглушил напором воды из крана в ванной. Через пару минут входная дверь захлопнулась. Она все-таки свалила. Не стала ждать. Очень правильное и своевременное решение. Только бесформенный омлет был мне наградой за креативность. Как-никак, а делить-то его не пришлось. Выбравшись из заточения ванной комнаты, я плюхнулся в кресло, вытянув ноги.

Жую под звук загружающейся «винды», а на душе так тоскливо. Что там будет впереди? Интервью это непонятное... То ли было, то ли не было. То ли верить, то ли не верить.

Оказалось, верить.

Потому как час назад пришло мне на почту письмо счастья следующего содержания:

Строго конфиденциально
г-ну Максиму Линчеву

Предложение о работе

Уважаемый Максим!

Компания «Бадлер Спорт» рада сделать Вам предложение о работе на должность менеджера по рекламе.

Вы будете работать в непосредственном подчинении у Тимура Кахиева.

В круг Ваших обязанностей будет входить:

Разработка эффективных рекламных кампаний...

И бла, бла, бла. Зарплата – раза в три больше, чем сейчас на телике. Соцпакет – тоже. Плюс бесплатное посещение фитнес-центра. Плюс оплата мобильной связи.

Дрожащими пальцами набираю ответ: «Тимур, благодарю за предложение. Я согласен. Когда приступить к работе?»

Через два часа мы встречаемся с ним в тире. Даже не знаю почему, но выбор места меня не удивил.

Тимур слегка опаздывает, наверное, чтобы дать мне время понервничать.

Я ведь не очень понимаю, как вести себя с ним. Так же эксцентрично, как на собеседовании, уже не получится. На равных он вряд ли позволит. А заискивающе нудить я не умею. Да, это тебе не девок на ночь снимать...

Глава третья

Иришка

По дороге в тир я заметил красивую студенточку на перекрестке в нежно-розовом сарафане. По возрасту она была ровесницей Ники, моей ночной спутницы. И как я до такого докатился: чпок-чпок – и давай, детка, до свидания... Пустые они все, девки эти. Деньги, косметика, шмотки, а за этим – ничего. И за мной – ничего.

Я думал, что умею иначе. Когда-то думал. Только вот предпочитаю об этом не вспоминать, потому что жить как-то надо.

Иришку я не простил до сих пор и, наверное, не прощу уже никогда. И не забуду.

Она была незаметной на фоне школьных звезд, обычная девчонка из хорошей семьи. Класе в десятом, когда веселые девчонки развернулись на внешности одноклассниц во всей красе – пергидрольные волосы, потертая джинса, высокие талии и адский макияж, она как-то терялась на этом фоне со своими длинными русыми волосами, тихим голосом и легкими платьями, которые как будто существовали вне времени и пространства. Ирка сама как будто жила где-то там, вне времени и пространства, но при этом была абсолютно земной. Мы учились в одном классе, но я никогда ее не замечал.

И обратил-то внимание совершенно случайно – сдавал ей с рук на руки пьянющую подружку, которую тащил на себе с дискотеки. Сам был пьян, но на ногах держался – как-то даже на школьных тусовках я ухитрялся не нажираться до коматоза.

Ирка жила с этой девчонкой в одном дворе, дружили они чуть ли не с роддома. Она тогда решила подружку к себе забрать, чтобы та перед родителями не светила.

И тут я все разглядел. Как-то разом, как будто впервые с ней столкнулся: и запястья эти тонкие, и фенечки, и манеру говорить, такую тихую и нежную, что самому хочется заткнуться и рта не раскрывать никогда. Попал, сам даже тогда не понял, как крепко попал.

Потом уже дошло – напросился проводить ее, навязался сам. Других девок и упрашивать не надо было, а она отказывалась. Говорила потом, что как будто боялась меня. Мы так и не поняли – почему. До подъезда ее проводил, надо было уходить – а я не мог. Изобретал что-то, ну, как соли там зайти попросить или чаю, про какие-то тетрадки напел.

Дверь подъезда захлопнулась с грохотом – тогда только начали домофоны везде ставить, кодовые замки эти дурацкие, код можно было за три секунды подобрать.

Целоваться я к тому времени прилично умел, натренировался на оторвах классом старше. Но тут было другое. Она сама ко мне повернулась, заулыбалась так, что все просто разлетелось на кусочки. И я ее поцеловал.

– Ира! Ира! – жить нам вместе, конечно, никто не позволял, но на деле я уже год не вылезал из ее комнаты с обоями образца восьмидесятых и дурацкими зелеными занавесками. – Слушай, мне тут родители предложили...

– Что такое? – прибежала из кухни смешная, маленькая, растрепанная.

– Да они предложили уехать. Ненадолго, ты не переживай... Так, язык поучить, в Англию, после выпускного. Проживешь тут пару месяцев без меня, а, дружок?

Ирка засмеялась, хотя и было видно, что обиделась – и за то, что раньше не рассказал, и за то, что эти месяцы будет жить сама по себе. Мы будто срослись за этот год – всё делали вместе, она заваривала чай, делала блинчики, а я прыгал вокруг и песни дурацкие ей пел, смешил ее. Иногда ссорились, но все больше из-за глупостей. А тут пришлось расстаться, по нашим меркам – почти навсегда. Это сейчас два месяца пролетают, как минута, – весь этот калейдоскоп, в котором ничего не меняется и не имеет значения. А тогда...

Я уехал.

Уехал в безумный Лондон. Он меня закрутил своими тусовками, клубами, я курил траву и жрал экстази, шлялся с нигерскими подростками по каким-то трущобам... Английский, правда, учился на ура. Меня интересовало все – индастриал, гранж, техно... все оказалось просто бомбой. Но вот на что было абсолютно плевать, так это на девок. Дома меня ждала Ирка. Я писал ей письма от руки. Писал стихи или просто делился впечатлениями о прошедшем дне. Интернет в те времена для нас был диковинкой, а звонки били по карману. Ежедневно я конспектировал самое важное и каждое утро, по дороге в колледж, забрасывал письмо в местный почтовый офис. Это был мой дневник. И ее. Иногда отправлял открытки с местными видами. Я знал, что она читала каждое письмо, ожидая получить новое. День за днем, находясь в тысячах километрах друг от друга, мы становились ближе.

Однажды я получил ответ и от нее. Это был мой самый счастливый день. Я не выпускал письмо из рук целые сутки, вдыхая аромат Иркиных духов. Наверняка, как это делают в фильмах, она специально надушила лист бумаги своим парфюмом. Строчки до сих пор живут в моей памяти.

*Привет, кот! Очень соскучилась по тебе и хочу прижаться. Вчера прогуливалась по березовой роще (помнишь, где мы гуляли с тобой за день до отъезда) и вспоминала наши разговоры. Такие нужные для меня теперь. Очень жду твоего возвращения, чтобы не отпускать тебя никогда.
Целую. Твоя Ирина*

Когда я вернулся из Англии, Ирка уже поступила в универ, на психфак, ей всегда это было интересно. Хотя за плечами у нее была музыкальная школа и маячила консерватория. Выбор Иркиных родителей пал на специальность, «которая прокормит» да и в жизни пригодится.

Я поступил на журфак. Стать дипломированным финансистом или, того хуже, перебирать бумажки в юрконторе меня никогда не тянуло. Выбор профессии определил отец. Журналист с иностранным языком нигде не пропадет, да и работа интересная. Не поспоришь.

Как я понял позднее, в студенческой жизни два недостатка – постоянная нехватка наличных и отсутствие собственной жилплощади. О возможности зарабатывать я думал с первого курса. Пробовал заниматься переводами – жутко скучно. Физический труд был явно не для меня, а тут как-то Ирка и говорит:

– Макс, меня пригласили сняться в телевизионном сюжете для федерального канала. Помнишь Андрея с музыкалки? Так вот, он теперь в «ящике» работает журналистом, говорит, я очень подхожу по образу для его героини. И вообще говорит, что я очень телегеничная. Ты не рад разве? – Ирка демонстративно прошла по комнате походкой модели. Сделав медленный разворот, будто перед камерой, она застыла возле зеркала, изучая свое отражение.

– Конечно, рад, дорогая. Ты у меня просто красotka, пусть все дрочеры обзавидуются.

– Макс, ну чего так грубо-то? Ты же знаешь, как я давно об этом мечтала.

Я знал это. Мы оба грезили работой на ТВ. Даже фантазировали, как было бы классно вести вдвоем какую-нибудь развлекательную программу. Вместе. Первый телевизионный опыт мы должны были пережить также вместе, а тут этот музыкашка...

Через неделю Ирка разбудила меня ранним звонком.

– Включай. Сейчас начнется. На пятом канале.

Спросонья я потянулся к пульту. Ах да, долгожданный сюжет. Дебют в утреннем телеэфире моей «звезды». Как такое пропустить? Любопытно, что она там будет делать? Рассказывать, как оладьи готовить? Кстати, Ирка их пекла волшебным образом. Или демонстрировать платья по сезону? До сегодняшнего утра это была тайна за семью печатями.

– Мам, доброе утро, щас Ирку мою по телику будут показывать. Хочешь посмотреть? – крикнул, я приоткрыв дверь своей комнаты.

Вставать было лень. Через мгновение мама в компании отца и брата уместилась у меня на краю кровати, ожидая «премьеры».

– Ну давай, включай скорее уже, отец опаздывает, – торопила мать, завязывая галстук папе.

Ее виндзорский узел был эталоном. Часто отец шутливо говорил, что завязывать галстук мужу – супружеский долг его жены.

Нащупав самую большую кнопку на пульте, я заставил телевизор включить звук и изображение. Пятый канал. Программа «Доброе утро, страна».

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Книжников, и в этот ранний час я расскажу вам, как найти и очаровать девушку своей мечты.

С экрана вещал кудрявый блондинистый парнишка. Приветствие кудрявчик читал, лежа на кровати, приспустив одеяло ниже своего оголенного торса. В первый момент режиссерское решение мне показалось даже оригинальным.

– Что делать, если ваша ночь прошла так бурно, что вы желаете ее продлить на всю жизнь? – Кудрявчик ехидно улыбнулся и подмигнул. Крупный план сменился на общий. Стало видно, что в кровати он не один. Блондин стянул остаток одеяла и быстро поцеловал девушку, лежащую рядом. Крупный план...

Фак, это была моя Ирка. Протирает глаза, улыбается и отвечает поцелуем в щеку кудрявчика. Что за хрень... В ушах появился гул, будто меня долбанули кирпичом по голове. Как она смогла? На всю страну, такой позор... Я уже не слышал, что там говорил Книжников.

На экране кадр с постелью сменился на прогулку по березовой роще, где кудрявчик нежно обнимал Ирку, о чем-то весело болтая. Потом она кружилась в моем любимом белом сарафане на фоне фонтанов с огромным букетом в руках, символизируя неподдельное счастье. Следом шла сцена в ресторане. Свечи, вино, романтика. Их двое. Добил финальный кадр: Ирку в свадебном платье на руках выносит кудрявчик в смокинге. Акцент камеры на вывеске загса. Разодетая толпа кричит «горько». Непродолжительный поцелуй молодоженов на фоне Дворца бракосочетаний. Ликование гостей. Крупно: счастливые Иркины глаза. Ее неотразимая улыбка. Сюжет завершился напутственными словами кудрявчика, суть которых я уже не разобрал.

Гул в моих ушах усиливался, казалось, лучшее, что могу сделать в такой ситуации, – это спрыгнуть с девятого этажа или утопиться прямо сейчас в ванной.

– Ну что, поздравляю! Премьера удалась, – насмешливо буркнув в мою сторону, отец вышел из комнаты.

Мать последовала за ним, даже не посмотрев на мою реакцию.

– Не грузись, Макс, это просто телик, постановка. Ирка очень красивая. Пусть все завидуют, – пытался утешить братишка.

Минут десять я сидел молча, пытаюсь найти нужные слова для предстоящего разговора с Иркой. Я был взбешен и унижен одновременно. Она знала, как я к ней отношусь и какова будет моя реакция на увиденное. К тому же Ирка была в курсе, как я хотел работать на телевидении. Как мечтал об этом вместе с ней, заглядывая в «звездное» будущее. Сегодня утром этот кудрявчик жестко нанес мне двойной удар. И как выяснится позже, это было только начало. Роковая затрещина ждала меня впереди.

После сюжета я решил, что лучшей реакцией на выходку Ирки будет игнор. Пропаду на пару недель – авось мозги включит.

Оказывается, удержать себя от звонка любимой – задача мучительная. Сложнее, чем я представлял. Многое хотелось ей рассказать. О том, что твердо решил устроиться на телик.

О том, что в моих ближайших планах надрать задницу Книжникову. Причем в прямом и профессиональном смысле. И пока я не сделаю этого, буду считать себя неудачником.

За две недели я обошел кадровые отделы всех местных телеканалов и отправил резюме в адрес тройки федеральных. Волею судьбы, а возможно, этого мне больше всего хотелось, заинтересовались моей кандидатурой на Пятом канале, в эфире которого и вышел злополучный сюжет. Но просили подождать полгода в связи с реструктуризацией. Это мне показалось хорошим знаком. Глядишь, и пнут этого Книжникова к чертовой матери.

Перейдя на заочку, я устроился на курсы телеведущих и актерского мастерства, и новое увлечение захватило меня с головой. С Ирккой мы все же помирились, но прежними отношения уже не были. Мы все меньше и меньше проводили времени вместе. В новой реальности в центре моей жизни возникла новая цель, и я уверенно шел к ней, хоть и достаточно медленно. Моим настоящим стали курсы актерского мастерства, мастер-классы по журналистике и бесконечные письма во все телестудии страны.

«Здравствуйте, Максим! Ваше письмо показалось нам довольно интересным. Мы правильно поняли, что вы живете не в Москве? Если есть такая возможность, мы будем рады видеть вас у себя на студии в течение недели. Соберетесь – держите нас в курсе».

Подробностей в письме не было – ни на какую программу меня решили попробовать, ни почему именно меня. Но съемки, телевидение, Москва! Отказаться я попросту не мог.

На деле съемки оказались разовыми, поэтому в Москве я провел всего недели три. Казалось бы, я был намного ближе, чем в Англии, но писем от моей студентки не было. Учеба, подумал я. Первый курс, непривычно, а она же умница и очень старательная. Самому писать было некогда. Когда через две недели я получил свой копеечный гонорар, я был горд как никогда – сам, в столице, на ТВ. Накупил Ирке штук пять яиц «киндер-сюрприз» – она их собирала уже лет несколько, я смеялся над ней, детство, мол. Она обычно на это дулась, но недолго.

Поезд за пятьсот рублей, общий вагон. Прибывает в шесть утра. В семнадцать мне было плевать, как и на чем ехать, лишь бы быстрее, лишь бы...

Подъезд, родной и знакомый, уже просто до мелочей. Какой-то старый диван, на котором мы засиживались ночами, цветок поникший. Алоэ? Фикус? Я в них никогда не разбирался. Взлетел на третий этаж просто бегом, позвонил в дверь. Никто не открывал. Раз, другой, третий... Как же крепко надо спать, думаю, а сам коробку с киндерами держу то так, то эдак – неудобная ни черта. Задолбался, поставил на лестницу. Стою как дурак. Но звоню.

Зашуршало за дверью, завозилось. Я подхватил коробку.

Жутко мне стало сразу. Это была какая-то другая Ирка, не моя.

– М-м-мм... привет... – сонно и безразлично протянула она, полуголая. – Что ты тут делаешь?

От такой реакции я растерялся. Как восьмиклассник стою и вообще ничего не понимаю.

А из глубины еще голос, мужской такой, взрослый:

– Иришка, кто там приперся? Кто это?

Я сначала вообще ничего не понял. Отец, думаю, потом нет, понимаю, что не такой там голос... Ирка стоит, мнется. Глаза блестят, плачет. Но не кричит, просто слезы текут.

Не моя Ира. Чужая, взрослая.

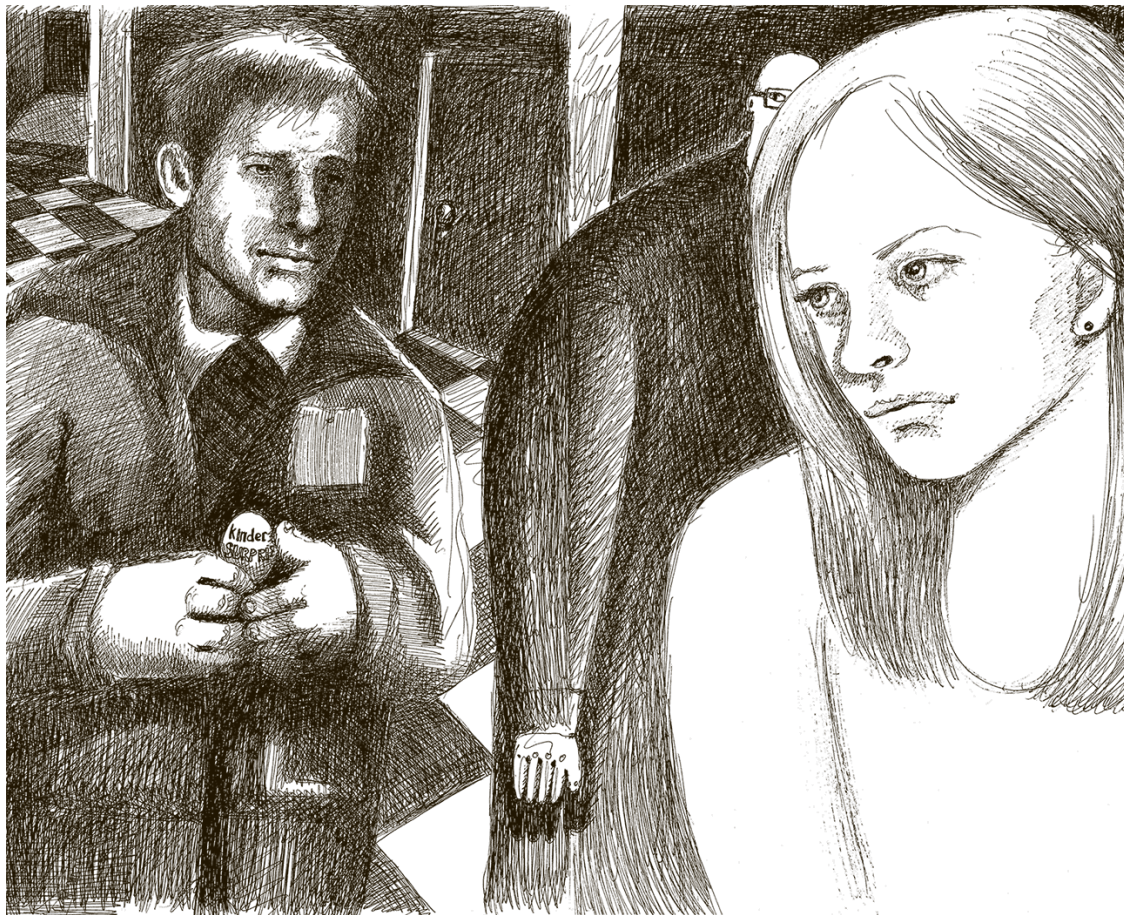
– Что этот ушлепок тут делает? Что это вообще за херня?!

Как будто бомба осколочная в голове... За Иркой спиной показалась кудрявая башка Книжникова. Здесь он совсем был не похож на телегероя из ящика. Небритый, худой, с перегаром.

– Макс, ты иди лучше домой. – Ирка начала закрывать дверь. Посмотреть мне в глаза она так и не смогла.

Я все понял. Слова здесь были лишние, но ударить ее не смог. Только швырнул ей под ноги эту коробку с киндерами из прошлой жизни и ушел. Не слышал даже, как захлопнулась дверь, ничего не слышал вообще.

Пил потом много. По-детски, по-пацански, водку, на улице, один. Никто ж не знал, что я приехал, родители не знали. Нашел каких-то ребят, забухал уже с ними.

Конечно, пить я потом перестал. Через полгода меня пригласили на канал, не в Москву, на наш, Пятый. Разумеется, я согласился. Проработав год журналистом и переводчиком, получил новую должность: главный редактор и ведущий «Доброго утра». Началась моя работа в кадре. Книжников хоть и не получил по роже, но уволился по собственному желанию. Не без моей помощи. Написав заявление, кудрявчик покинул канал и ушел из тележурналистики навсегда. Говорят, что он занялся привозом и продажей голландских роз. Стал цветочником. Что же, достойное мужское занятие. С Иркой они расстались недели через две после моего визита. С тех пор ее я никогда не видел. Разве что во снах. Только от подружек слышал: по-прежнему любит, вспоминает и ждет. Бла-бла-бла. Смотрит каждое утро мои эфиры. Иногда даже на видео записывает, для архива. А если любила, то почему предала? Ведь я ценил ее улыбку больше собственной жизни. Совсем другим был с ней. Котом наивным. Теперь все по-другому. Мое отношение к Ирке, к женщинам, к любви.

А, черт с ними, с девками. Пока – работа. Первым делом – самолеты.

Глава четвертая Подобно Хемингуэю

Ну, здравствуй, дорогая моя работа... Странное чувство – еще два дня назад я сидел в прокуренной конуре вместе с десятком других репортеров, а тут раз – и собственный кабинет. Конечно, «творческая личность», «необходимо уединение и идеальная тишина». Только пока, по ходу, не все это понимают. Пока шел по офису, слышал, как в спину шепчут. Особенно рад моему приходу оказался один мерзкий тип. Я еще не понял, кто он, но не удивлюсь, что сейчас я занял его место, его возможное должностное повышение. И, пожалуй, он мечтал об этом отдельном кабинете, который теперь достался мне. Кабинет.

С женской частью коллектива мне весьма повезло. Одна Мариночка чего стоит. Я уже готов подсесть на кофе, как наркоман, лишь бы почаще видеть ее великолепные тити, когда она, наклоняясь, ставила передо мной свой подносик. К сожалению, она оказалась прочно зарезервирована самим Тимуром и, к моему удивлению, по уши в него влюблена. Впрочем, чего там удивляться – было в нем то, что нравится женщинам: ощущение внутренней силы и харизма, низкий голос и взгляд, перекрывавшие не самую сексуальную внешность. Имелась у него и жена, но ее никто не видел и ничего о ней не слышал: жили они, а точнее, сожительствовали ради больного ребенка. Тимур изредка хаживал по телкам, а с Мариной часто посещал дорогие клубы и рестораны, но никого не любил: ни жену, ни ребенка, ни Марину. Единственной всепоглощающей его любовью – была работа.

Вчерашний разговор с Тимуром разбудил в моей голове маленький вулкан. Идей было море, но они никак не хотели склеиваться в единую концепцию. Да еще и этот русский пучок Мариночки стоял перед глазами, заставляя встать кое-что другое, о чем в приличной книге пишут только с точками или звездочками. Я все же собрал мысли в кулак (черт!) и принялся за работу. Схемы, расчеты, кричащие названия, мерзкие маркетинговые термины запрыгали на бумаге. Через полчаса я отложил ручку, посмотрел на каракули своих медийных планов и, проматерившись, скомкал бумагу и швырнул ее в форточку. Всё полная лажа, всё не то. Одни шаблоны и статичные диаграммы. От меня явно ждут не этого.

Включил кондиционер, достал из мятой пачки предпоследнюю сигарету и закурил. Вот он я – надежда компании, у меня кабинет с кондиционером и пепельницей, большое кожаное кресло. Я создаю креатив. Как же! Ни хрена не создаю, сижу и пьюсь на дымящуюся сигарету. Окончательно обнаглев, я откинулся в кресле и закинул ноги на стол.

– Ты меня удивил, – сказал вчера Тимур, заполняя обойму патронами, – молодой, дерзкий, это хорошо, но это не главное. – Он с щелчком вставил обойму в блестящую «беретту», передернул затвор и передал пистолет мне. – На, попробуй, с предохранителя снять не забудь.

Я неуверенно взял ствол и пробормотал:

– Тимур, но я как бы не очень умею... Не стрелял я никогда.

– А когда в офисе передо мной свои понты раскидывал, не боялся? У тебя же опыта в рекламе, как у меня в балете, кроме теории, нет ни хрена.

Оп-па...

– Я тебя, сопляка, через пятнадцать минут где можно пробил и все про тебя знаю с десяти лет, как только ты первым в жизни бычком затянулся.

Нокаут. Я уставился на него, открыв рот и сдирая наушники для лучшего восприятия услышанного. Откуда он мог узнать, что я действительно первый раз, в десять лет, покурив стыренные у отца сигареты? Бред, угадал, не может такого быть. Тимур смотрел на меня и ехидно улыбался.

– Да угадал я, угадал, не бзди, это статистика. Но справки я про тебя навел. И мне нужен тот наглый презрительный и неопытный юнец, который сидел у меня в кабинете. Знаешь, что такое опыт? Опыт – это шаблоны, а как только ты начинаешь мыслить шаблонами – ты сам себе строишь преграды. Нет опыта – нет преград. Усек?

Я несколько ошарашенно кивнул.

– Молодец, а теперь смотри, вставай на позицию.

Я встал возле столика для стрельбы.

– Одну ногу чуть вперед, для упора, согни немного руки в локтях, вот так. Курок не дергай, жми плавно, отдача будет, но не большая. Целься – хочешь, одним глазом, хочешь, двумя, насрать, главное – попасть в цель. Давай.

Я зажмурил левый глаз, прицелился и плавно потянул спусковой крючок. Грохот выстрела в закрытом помещении ударил по ушам, как кузнечный молот. Я практически ослеп от звона в ушах и чуть не выронил пистолет от неожиданности. Наушники! Тимур настолько выбил меня из колеи своим монологом, что я совершенно про них забыл и, как робот, делал все, что он мне говорил. Твою мать! Я потряс головой, приходя в себя. Тимур похлопал меня по плечу:

– Звенит? Звенит, само собой. Вот запомни, Максим, я хочу так же, но в рекламе! Понял меня?

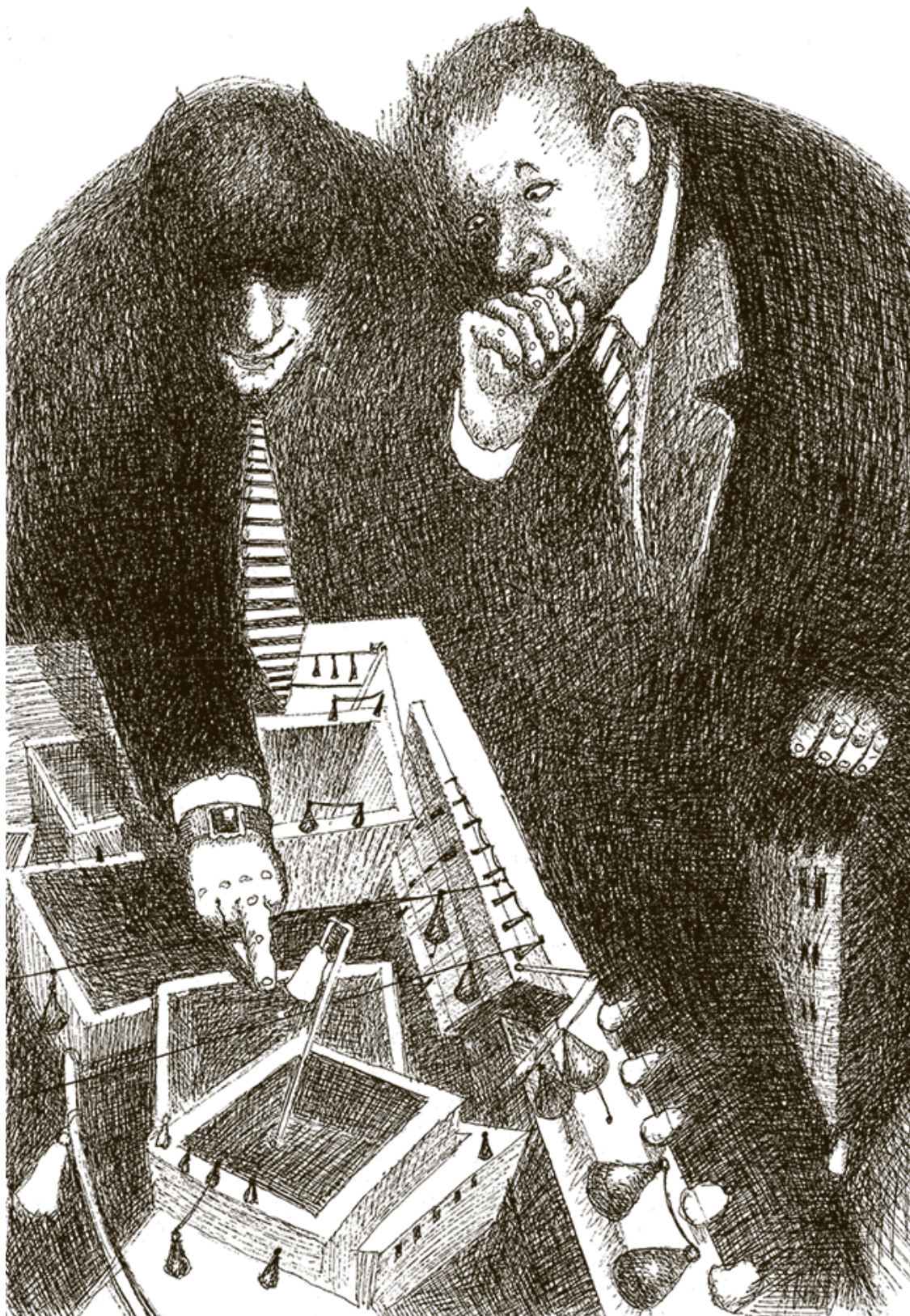
Понял, понял. Звону тебе, Тимур, надо, на весь родной город, – а как?

И в чем понт этих ног на столе, затекают через десять минут. Я убрал начинающие неметь ноги со стола и поморщился при виде последней сигареты в пачке. Надо идти в палатку, что лень. И тут меня осенило. Ну конечно! Звон! Я устраю звон по всему городу! Поставим по всему городу стойки с колокольчиками и таймеры, найдем студентов – промоутеров, и они будут трезвонить в них, например, по три раза в день! По несколько минут, с какими-нибудь спортивными слоганами-кричалками!

Я схватил ручку и начал поспешно, пока идея грелась в голове, расписывать план действий. Итак, ставим стойки с колокольчиками в парках, у входов, на центральной площади, у ресторанов мажорных и возле институтов. В десять утра, нет, лучше в двенадцать около них появляются промоутеры в нашей промо-форме, начинают трезвонить и вещать прохожим спортивные рекламные лозунги. Отлично! Сука, я гений! Слоганы-слоганы... какие?..

«Время не властно над Бадлером». Не. Говно. «Пришло время идти в Бадлер». Тьфу. Еще хуже, надо что-то короткое и емкое. «По ком звенит колокол. Бадлер».

Точно, оно! Как у Хемингуэя. Только без партизанщины. Революция начинается с тебя. Я как маленький захлопал в ладоши от радости и принялся дальше строчить план мероприятий. Два часа спустя, распираемый гордостью, я влетел в приемную Тимура.

– Мариночка, у себя?

Обалдев от такой скорой фамильярности, она не успела ничего сказать, как я уже закрывал за собой дверь кабинета шефа. Тимур говорил с кем-то по телефону, взглядом велел мне сесть и продолжил беседу. Через несколько минут он положил трубку и потянулся, явно довольный разговором:

– А ты, студент, очевидно, не предполагаешь, что я могу быть занят? У меня могут быть серьезные люди здесь, любовница, в конце концов. Чего замер, на первый раз прощаю, хрен с тобой, настроение у меня хорошее. Рассказывай, как обустроился? Как кабинет? На него Сергеич, зам по безопасности мой, полгода зуб точил, а я тебе отдал, это тебе аванс для заслуг будущих. М-да. Ну что молчишь-то, алё? Ворвался как на пожар и замер. Выкладывай, что у тебя.

Честно говоря, я совершенно растерялся. Это со временем я привык к таким резким перепадам: от бурных выволочек за рабочие косяки Тимур моментально мог переключиться на совершенно другие темы, вплоть до анекдотов, – неподготовленных собеседников это выбивало из колеи, чего Тимур, как я подозреваю, и добивался.

– Да... нормальный кабинет, кондей хороший, кресло удобное, – начал мямлить я. – Но я не за этим, – спохватился я и протянул ему папку с моим творением. – Вот идея в голову пришла! На весь город рекламную акцию сделать! После нее каждая собака будет про «Бадлер» знать!

– Шустрый ты, самородок.

Тимур начал изучать содержимое папки:

– Расскажи в трех словах, что к чему.

Однако в трех словах не получилось, он постоянно перебивал, требовал деталей, долго изучал предлагаемые слоганы, затем мы вместе подсчитывали бюджет, в общем, обсуждение акции растянулась почти до конца рабочего дня, но в целом Тимур остался доволен.

– Неплохо придумал, Макс, молоток. Даю тебе неделю на подготовку и запуск, бюджет я подпишу.

Из кабинета Тимура я вышел как король, присел на край Маринино стола и спросил:

– Марина, а вы давно работаете с Тимуром?

Она оторвалась от монитора новенького «пентиума», профессиональным жестом припустила очки:

– Достаточно, чтобы отличать его любимчиков от просто мудаков.

– Знаете, Марина, я хотел извиниться за сегодняшнее вторжение. Позвольте мне галантно загладить свою вину небольшим ужином в ресторане на ваш выбор.

Она улыбнулась.

– Максим, боюсь, ресторан на мой выбор вам пока не потянуть, поговорим об этом позже. Может быть.

Вам не потянуть, может быть – самоуверенная сучка! Этим она еще больше разожгла во мне интерес к себе.

– Как вам, Марина, будет угодно, до скорых встреч!

Нехорошо отбивать у босса любовницу, но немножко можно!

Всю следующую неделю я практически жил на работе. Тимур дал мне карт-бланш, и просрать такой шанс я не имел никакого права. К среде я, наверное, был лучшим специалистом по колокольчикам и лучше любого гида мог сказать, где и какие достопримечательности и парки есть в нашем городе. Проще всего оказалось со студентами-промоутерами. Меня в институте любили. И позволили разместить на доске объявлений огромный зазывательный плакат в духе «стань рекламным гуру за наш счет». К пятнице у меня была готова команда почти из ста человек. С рекламными листовками тоже обошлось без особых проблем.

Все выходные я разъезжал на фирменном грузовичке, контролируя установку непонятных городу конструкций. Стойки с колокольчиками, словно грибы, появлялись в людных районах и, очевидно, вызывали любопытство у зевак. Приехав домой уже за полночь в воскресенье, я залил в себя стакан водки и рухнул спать. Завтра меня ждал триумф. Колокольный звон возвестит о нас всему городу!

Глава пятая

Ночной нокаут

Сизый сигаретный дым плотными слоями висел по всему кабинету. Весь мой стол был завален отчетами, графиками и прочим дерьмом. Я прикурил очередную сигарету и уставился на стену ливня за окном. Настроение было под стать погоде. Хотелось зайти в кабинет Тимура, снять один из висевших там автоматов, сунуть дуло в рот – и «курок не дергай, жми плавно».

Моя рекламная акция с оглушительным треском провалилась. Даже хуже. Кого-то из юных промоутеров избили местные гопники, где-то сперли стойки с колокольчиками, где-то, как в анекдоте, просто всё просрали и потеряли.

Но это все уже неважно. Важно лишь то, что посещаемость упала на восемь процентов уже через три дня после окончания акции. Люди не просто не покупали товар, теперь они обходили «Бадлер Спорт» стороной!

Еще через пару дней цифра поднялась до пятнадцати процентов и замерла. В итоге за прошедший без малого месяц работы я умудрился сократить продажи почти на десять процентов. Вот, собственно, и всё. Финал. А еще этот Сергеич ходил и ухмылялся в открытую, лапки потирал, паучонок вонючий.

Слухи о моем фиаско очень быстро разошлись по всему офису. Ну и по городу даже. Где я ошибся? Почему этот сраный пипл так негативно отреагировал? А больше всего нервировало молчание Тимура. Почему-то мне напоминало это готовый взорваться кипящий паровой котел.

В дверь постучали.

– Не заперто...

– Макс, я тебе кофе принесла и шоколад. Говорят, помогает от плохого настроения. – Марина поставила поднос на ворох бумаги и присела рядом, на ручку кресла. Она слегка потрепала меня по голове. – Не убивайся ты так. Тимур, конечно, мужик суровый, но понимающий. В следующий раз все будет хорошо.

– Как ты не понимаешь, Марин, – я закрыл лицо руками и в сотый раз протер красные от недосыпания глаза, – следующего раза не будет. Он дал мне шанс, а я обосрался, как ребенок! Хуже того, еще и продажи упали. – Я откинулся на спинку кресла и печально усмехнулся. – Мой взлет закончился так же стремительно, как и начался. Сейчас заявление напишу и пойду дальше в телике лицедействовать.

– Ну и дурак! А ты только начал мне нравиться. – Марина наклонилась к столу, отломала кусочек шоколада и медленно положила его себе в рот. Глядя мне в глаза, она добавила: – Как коллега, конечно.

Затем встала, одернула юбку и молча вышла из кабинета. А я еще минуту оторопело смотрел на закрывшуюся за ней дверь.

Поздно вечером, когда в офисе никого уже не осталось, я зашел к Тимуру в кабинет, положил на пустой стол конверт с заявлением об увольнении и, бросив прощальный взгляд на его коллекцию оружия, поехал домой.

А дома, дома... А что дома? Сварил себе пельменей, съел.

Вот и всё. Сказать, что мое настроение стало еще хуже, после того как я сам себя уволил, – ничего не сказать. Ссыкло. Испугался, что Тимур снимет со стены одну из своих пушек и шмальнет тебе прямо в грудь? Делать ему больше нечего. Но сложного разговора все равно не избежать. Так хоть по телефону звона меньше будет.

Я вспомнил о Мариночке. О том, что она мне сказала напоследок. А, все равно до Тимура мне как до луны, и я навсегда останусь для нее коллегой-неудачником. Теперь уже бывшим.

В голове появились еще более паршивые и похотливые мысли одновременно. Напиться, что ли? Пойти в бар и снять себе подругу на ночь, только бы не думать о Тимуре и всей моей новой карьере, которая сгнила так же быстро, как и началась.

Я собрался и поехал заливать обиду в недавно открывшийся клуб, позиционировавший себя как место самых крутых тусовок.

Элитное заведение для красивых людей, модные диджеи, дресс-код и фейсконтроль, вход платный. Я быстро накидался виски, а потом, когда пришел охотничий азарт, окинул взглядом танцпол и барную стойку. Мой взгляд привлекла блондинка с небрежно завязанным пучком на голове. Безусловно, это не тугой узел Марининых волос, однако ноги по длине сопоставимы, грудь, попка – всё тоже на уровне. Остальное оставим воображению, оно меня никогда не подводило. Сидит у бара, тычет в бокал длинной трубочкой и задумчиво водит ею взад-вперед – то, что надо, старина Фрейд подмигнул бы мне одобрительно.

Я шел походкой Джеймса Бонда, точно зная, как я начну разговор и где закончу. Только совсем уже подходя к бару, я увидел, что рядом с моей белокурой целью сидит обезьяноподобный хмырь в остроносых ботинках. Отчего-то первыми я увидел именно эти, входящие в моду, уродские ботинки. А затем пару пустых бокалов на столе. Стало ясно, что эта горилла уже целый вечер угощает мою блондиночку и льет ей в уши какую-нибудь муть.

Я знаком с этой породой людей, они не мыслят шире правила «кто девушку угощает, тот и танцует». Даже пара моих приятелей, тот же Олега, к ней относятся. Однако сегодня был день разрыва привычных сценариев! Я был на кураже, мне хотелось вылить куда-то весь стресс, и, облокотившись на стойку, начал без предисловий:

– Сегодня слишком хороший вечер, чтоб проводить его так уныло. Малыш, пошли танцевать.

– Я не танцую, – отвечает на автомате, даже не задумываясь.

А глаза-то загорелись. Еще бы, стала причиной конкуренции, такая конфетка для самолюбия!

– Раз не танцуешь, то пошли петь песни!

– Слышь, какие песни? Ты кто такой вообще? – Вот и громила раздуплился.

Даже не смотрю на него. Громко заказываю самый двусмысленный коктейль из известного мне бабского поила.

– Бармен, коктейль «Оргазм» для девушки! Песни? – поворачиваюсь к неудачливому соблазнителю. – Серенады. Сочинения в честь прекрасной дамы. А я, «бродяга любви», – вновь поворачиваюсь к девушке, – сражен и вдохновлен!

Быстрая победа: пришел, увидел, увел. Так просто, что даже не-спортивно. Хотя при ее ногах это абсолютно неважно. Сидит, улыбается, довольная. Из-за нее вот-вот начнется драка, будет о чем с подругами посплетничать. Дурища, ей-богу.

– Ты у меня ща в больницу поедешь, вали отсюда, йопта!

На нас уже обращают внимание. От входа вразвалку идет шкаф-вышибала, а от столика неподалеку – компания, под стать ухажеру моей блондиночки. Я мысленно уже считал ее своей, а накаляющаяся ситуация меня только раззадоривала. От подошедших приятелей вышел «переговорщик» выяснять ситуацию.

– Слышь, чё за кипиш? Какие-то проблемы?

– Ничё, ваще ничё, никаких проблем! Проблемы у него щас будут, – кипятился обиженный герой-любовник. – Тоже мне, поэт-песенник. Песенки он петь собрался!

– Какие песенки? – Переговорщик явно собирался разрулить все солидно, по-пацански. – Слышь, брат, иди-ка отсюда. Девушка занята.

– У моей мамы я – единственный сын. А девушка, когда устанет от моего общества, сама скажет.

– Ты чё, не понимаешь, что ли? Ты у меня ща реально запоешь! Ты у меня, сука, фальцетом петь будешь, педрила! Пойдем выйдем!

– Пойдем выйдем! – передразнил я.

Мне отчего-то стало очень весело, я даже периодически хихикал. Стресс и выпивка меня ужасно раззадорили. Мы вышли из клуба, обогнули здание и вошли в темный задворок.

– Ну чё, певец... – И, не закончив предложения, он обхватил мою шею рукой, пригибая к земле, и захрипел мне в ухо перегаром: – Ты чё, щенок, берега попутал, не понял, на кого залупаешься? Да я тебя сейчас...

Но закончить фразу он не успел, так как я с размаху шлепнул ему локтем в ухо. Громила с присвистом выдохнул, отпустил мою шею и отошел на пару шагов, вращая выкатившимися глазами.

Болевой шок и сбитое дыхание были мне только на руку. Я не стал играть на публику, выжидая, пока он придет в себя, а подскочил и ударил под дых, но тут уже удар оказался смазанным, здоровяк прикрылся. Пора было завершать всю эту историю роскошным лоу-киком (один из немногих моих поставленных ударов), но я не успел.

Он всей массой навалился на меня, стараясь обхватить за ноги. Борец, как видно. Старая стратегия: с боксером не борись, с борцом – боксируй. Поэтому я еще раз ударил его локтем и на этот раз попал в висок. Не так эффектно, зато эффективно. Оппонент сразу грохнулся на землю. Технический нокаут. И уже почти вырубленному от удара об землю, чисто для проформы, я двинул ему кулаком по носу. Поднялся, чуть пошатываясь, и, ни на кого не глядя, стал заправлять рубашку в штаны.

– Виталик! – Через круг зевак продиралась моя блондиночка. – Виталик, у тебя кровь! Бедненький, тебе больно? Виталик!

Я смотрел, как длинноногая псевдо-Мариночка, игнорируя мои подвиги, опускается в грязь перед хмырем. Кудаччет что-то, слюнявит платок и стирает кровь с его лица. Это снова было какое-то кино. Сраное кино.

Меня начало отпускать, сумасшедший и пьяный кураж выветривался, и я понял, что больше искушать судьбу не хочу. Я молча заправился и пошел домой. В конце концов, завтра меня ждало позорное увольнение. Надо было выспаться.

– Круто ты его, – услышал я женский голос.

Оглянулся. Красивая. Похоже, выспаться не удастся. Ад, какой я пьяный.

Я подошел к ней... девчонка, лет двадцати, взгляд испуганный, хлопает своими большими ресницами.

– Как тебя зовут, милое создание?

– Оксана.

Глава шестая

Изменяя сознание

Утром меня разбудили легким похлопыванием по щеке.

– Максим, родной, закрой за мной дверь, на работу опаздываю.

Не открывая глаз, я перевернулся на бок и пробормотал:

– Там собачка, хлопни просто, защелкнется.

– Пока, милый! Я тебя никогда не забуду! Я тебя люблю!

Что-то кольнуло меня в сердце. Э-э-э... Остановить? Зачем? сама же уходит... Мне, правда, на какое-то время стало хорошо и спокойно... Но дверь хлопнула, и я остался один.

Что она сказала? Как? Я тебя никогда не забуду! Я люблю? Что за ерунда. Черт, вообще ничего не помню. Видимо, я что-то ночью натворил, в хорошем смысле слова. Хе! Меня любят... Хе!

Кряхтя, я стащил с себя одеяло и вздрогнул. Простыня была в крови. Я чуть не заорал от страха, и мне потребовалось несколько кошмарных секунд, чтобы понять, откуда взялась кровь. Потом понял, и меня одолели противоречивые чувства.

Я поднялся с постели, скомкал простыню и засунул ее в стиралку. Потом поплелся на кухню заваривать кофе. В голове продолжал звенеть колокол, только на сей раз похоронный, и каждое движение вызывало гримасу боли. Отлично, теперь я безработный и с похмелья. И меня любят, только я не помню кто. И за что. Жизнь определенно налаживается. И еще, я только что сделал девушку женщиной... Черт, лучше об этом не думать.

Телефон в коридоре взорвался миллионом звонков, распотрошив мою больную голову пополам. Я снял трубку и услышал голос Тимура:

– Ты какого хрена работу прогуливаешь?

Пауза.

– Так я же уволился, Тимур, на стол вам заявление положил.

– Это ты про ту бумажку с соплями и извинениями? Я ее выкинул, это во-первых, и в моей компании никто сам не увольняется, пока я этого не захочу, – это во-вторых. Чтоб через час был у меня в кабинете.

Отбой.

Шикарно, просто так он меня не отпустит, сейчас размажет, как говно по стенке, а потом еще и заставит бабло отдавать, которое в акцию вгροхал.

Я допил кофе, зажевал его аспирином и отправился в душ. Через час вошел в приемную, где Марина что-то сосредоточенно набивала на клавиатуре.

– Привет, бродяга, оклемался? Шеф сказал: аж из телефонной трубки перегаром несло. – Она оторвалась от монитора и улыбнулась. – Заходи, ждет.

Я вяло улыбнулся ей в ответ и начал свое восхождение на эшафот. Постучавшись, приоткрыл дверь:

– Можно, Тимур?

– Давай, давай, заходи, только тебя и жду.

Тимур сложил газету, которую читал, когда я вошел. Нажал селектор:

– Мариночка, принеси нам пару кофе, пожалуйста. Один покрепче, для нашего гуляки.

Повернулся ко мне.

– Ну, что думаешь? Почему не сработало?

Никакого крика, ни разборки, ничего. Я вообще не понимал, что происходит. И это меня разозлило почему-то.

– Тимур, вы меня если увольняете, то давайте уже сразу. Чего из меня жилы тянуть, не взлетела моя идея. Вот и всё. Где мне за сдачу кабинета расписаться?

Он рассмеялся:

– О-о-о, зубы показываешь! Молодец, уважаю! Не буду я тебя увольнять, самородок, не за что. Идея-то твоя мне понравилась, задумка хорошая, я сам ее и одобрил. Что ж мне теперь, и себя увольнять? Так что уймись, глотни кофе, – он кивнул вошедшей с подносом Марине, – и давай думать, почему так все получилось.

Я машинально взял чашку с подноса и сделал солидный глоток.

– У-у-уххх епт!

Горячий кофе ошпарил нёбо, а добавленный туда красный перец выжег к чертям все внутренности. От количества перца из глаз брызнули слезы.

– Мой собственный рецепт, – Тимур похлопал меня по плечу, – кофе с чили, прожигает до задницы, зато голову прочищает великолепно. Ну что, очнулся?

И ведь он был прав, желудок горел нещадно, но весь утренний хмель выветрился из головы, как не бывало.

– Очнулся, жестокий рецепт, Тимур, но реально очнулся, спасибо. Не понимаю я, почему так все получилось, рекламу-то заметили – это факт. Иначе снижения посещаемости не было! Так что, Тимур, она сработала, только как-то в обратную сторону.

– Молодец, зришь в корень! Я то же самое подумал. – Он подошел к стене и снял черный блестящий М-16. – Мы придумали совершенно новую идею рекламы, – он снял оружие с предохранителя, – разработали акцию, – сухо щелкнул затвор, – и сделали выстрел. – Он вскинул автомат к плечу, пружина спускового крючка звонко брякнула в тишине кабинета. – Но сами получили в лоб. Почему, Макс?

– Оружие оказалось испорченным?

– Нет, студент. Мы его не проверили перед испытанием, оно оказалось не готово! Понимаешь, о чем я?

– Не совсем.

– Люди, Макс! Люди!.. Они оказались не готовы к нашей идее, они отторгли ее и дали нам по лбу!

– И что же нам теперь, людей поменять? Как?

– Откуда я знаю? – Тимур повесил М-16 на место. – Ты у нас Мистер Креатив, ты и думай. Нужно изменить сознание людей! А что определяет сознание?

– Бытие, – механически ответил я. И тут же вскочил со стула: – Мы не будем делать рекламу, мы сами станем рекламой!..

– А конкретно?

Я подошел к нему и взял со стола газету.

– Медиа, Тимур! Мы станем массмедиа! Журналы, телевидение, газеты!

– Тише, тише, охлонись, самородок! Ты знаешь, – он показал на газету у меня в руках, – сколько стоит рекламная полоса хотя бы в этом вшивом куске бумаги?

– В этом и суть! Оглянитесь вокруг, Тимур! На медиарынке все продается и покупается! И в нашем городе желтая пресса не просто не развита, ее нет! У нас есть только один официальный канал и две городские газеты, которые издают старые коммунисты, соратники Ильича! А людям нужен абсолютный беспредел, и они хотят жрать его ложками, нет – половниками! Откройте заголовки столичной «желтой» газеты: «Попугай склевал хозяйку», «Что надеть беременным на бал» и прочая пурга, а тиражи до небес! У нас такого нет! Почему бы и нам не влиться в этот поток? Так мы сможем изменить общественное мнение, не рекламой, но информацией и повсеместным присутствием в их умах!

Тимур глубоко задумался.

– Масштабно мыслишь, Макс, дай мне пару дней на раздумье, а сам пока накидай более конкретно, как ты все это видишь.

Тимур Кахиев

Как говорил мне отец: прежде чем злиться, подумай. Потом подумай еще раз. И если в голову ничего не приходит – тогда дай волю чувствам. Сначала я был взбешен провалом акции, которую предложил Макс. Увольнение – это самое безобидное, о чем я думал. Но потом взялся за голову и начал размышлять. Акция действительно хорошая, более того, сам не зная, Макс использовал западную схему привлечения клиентуры. Но не сработало. Оттяжкой еще и посещаемость сократило.

Плохо. Провал. Но не смертельно. Нет. А прощальное письмо самородка так и вовсе рассмешило меня, ей-богу – студент. «Не оправдал... ухожу... не мое» и в таком духе. После обсуждения провала я еще больше утвердился в правильном выборе, чем когда нанимал его на работу. Пацан рожден для этой работы, идея со своей газетой была действительно гениальной. Пускай теперь думает, как нам ее воплощать.

Звонко затренькал селектор.

– Тимур, вам звонит некий Игорь Всеволодович, говорит, ваш старый знакомый, хочет приехать, что-то обсудить. Будете принимать?

Игорь Всеволодович, что-то знакомое. Точно, старый приятель моего отца, как-то встречались с ним на юбилее свадьбы родителей, кажется, журналистикой занимается. Забавное, однако, совпадение.

– Да, Марин, скажи: пускай приезжает, я буду у себя.

Через два часа я сидел в кресле и не мог поверить своим ушам. Вот уж совпадение с большой буквы. Дядя Игорь, погрузневший и постаревший за те годы, что мы не виделись, со своим коллегой-журналистом (таким же старым, толстым и в дешевом костюме для последнего шанса) предлагали мне финансировать выпуск своей спортивной газеты. Их издательство не смогло пережить новой эпохи и тихо почило в бозе, оставив после себя только трудовой коллектив. От отца он знал, что я владею сетью спортивных магазинов, и предложил сейчас сделать свою спортивную газету.

– Тимурчик, погляди, мы даже название придумали – «Бадлер Спорт»! И пилотный выпуск тебе сверстали!

Он положил мне на стол свеженькую газету с логотипом «Бадлера» на шапке.

– Ты почитай, подумай. Я же тридцать лет спортивную рубрику вел. И Саша тоже. Саша в Москве работал! Мы тебе такую газету сделаем – закачаешься!

– Ты, Тимурчик, подумай, мы не торопим. У нас и команда, и типография, и бумага – все есть, все готово. Все ветераны журналистики, многие мастера спорта!

Невероятно! Удача смелых любит – верно говорят. Я щелкнул селектором:

– Марина, вызови ко мне Макса.

Максим Линчев

– ...И я считаю, что спортивная газета, в смысле – чисто спортивная, нам не нужна. Потому что те, кто читает спортивные газеты, читают их на диванах, спортом не занимаются и за гантелями к тебе не явятся. А наши читатели – активные, яркие, и нужна им молодежная газета, яркая, желтая, скандальная!

Я закончил свой спич и аккуратно положил на стол пилотный выпуск «Бадлер Спорт», который до этого держал свернутым в руке, как Ленин в октябре.

Тимур задумчиво уставился на меня, словно изучая что-то впервые увиденное. Напряженная тишина длилась больше минуты и уже почти достигла той отметки, после которой происходит взрыв. Но взрыва не произошло. Тимур усмехнулся:

– Знаешь, я не перестаю задаваться вопросом: зачем я вообще взял этого молокососа, который то извиняется, то учит меня жизни? Может, посадить тебя в мое кресло, раз такой умный, а самому взять яхту, девочек – и на море? А? Как тебе такой вариант? Потянешь?

– Я-то потяну... а может, и нет. Вот только вы никому кормило и этот кабинет с пукалками по стенам не уступите.

Тимур ободряюще усмехнулся, предлагая продолжать. Но я молчал.

– Я потяну продажный бизнес, потому что понимаю то, что хочет толпа с кошельками. А чтобы быть хорошим редактором, надо болеть темой своей газеты, программы, быть спецом в ней и уметь определять таких же спецов для подбора команды, а спорт... Ну, в общем, это не моя тематика. Мне, извините, насрать – кто там быстрее, выше, сильнее. Мне интереснее самому забить гол, чем ждать и смотреть, как это сделают другие.

– То есть наша бывшая телезвезда гордо отказывается от должности главного редактора? – Тимур демонстративно вскинул брови.

– Я не отказываюсь от должности! Я... просто... не хочу браться за неинтересную мне тему. Вот.

Видимо, Тимура настолько поразила и развеселила моя наглость, что он подался в кресле навстречу.

– И какая же тема, Максим, может считаться достойной, чтобы ты подхватил ее развитие? Только не забывай, – он вскинул руку, останавливая мой порыв тут же ответить, – не забывай свою главную задачу – сделать так, чтобы люди покупали у нас надежду. Мечту о другой жизни, где они сильные, красивые, сексуальные и, разумеется, спортивные. И со всем этим у них должен ассоциироваться «Бадлер». И весь наш ассортимент в придачу: от гантелей до беговой дорожки. Мне, в принципе, плевать, на кого ты направишь свой рупор: на хлебобобов, политиков, бандитов... Главное – чтобы они зашли в ближайший наш магазин и пробили на кассе не только скакалку, а еще спортивные шмотки, питание для качков и, уже уходя, остановившись на пороге, вернулись бы за степпером или велотренажером. Ну?... Кому ты можешь это впарить?

Если он думал смутить меня таким наездом, то явно просчитался. Еще только закидывая удочку по использованию медиаканалов, я знал, кто будет основной аудиторией.

– Себе.

Тимур отбил этот шар, почти без паузы:

– Это надо понимать так, что какой-то американский дядюшка оставил тебе несколько миллионов, а ты воспылил страстью к спортивному инвентарю в нашем городе?

– Это надо понимать так. В ближайшие годы больше всего денег на спорт будут тратить такие, как я. Им пофиг, кто в каком году выиграл чемпионат, им нравится бухать в спортбаре, болея просто «за наших» в спортивной форме с нашей символикой. Им пофиг здоровый образ жизни, им нравится, когда телки ведутся на кубики на прессе, а телкам нравится, как парни плятятся на их упругие задницы. У них не у всех хватает мозгов, чтобы стать первыми в чем-то серьезном, – но! У всех хватает времени и терпения для ненапряжной тренировки на досках, роликах и любых других снарядах, которые есть шанс освоить первым.

Я говорю о молодежи. От пятнадцати до двадцати пяти. Дальше всех затягивает работа, семья, и остаются лишь единицы готовых раскошелиться на новую модель лыж, палатку весом в пятьсот грамм или кроссовки с прыгучестью, повышенной на десять процентов. Им надо только подсказать, что спорт – это круто, а все крутые причиндалы – в «Бадлере»... В общем, надо делать молодежную газету, – подытожил я.

Усмехнувшись, Тимур откинулся в кресле:

– Убедил! Действуй! С чего начнешь?

Честно говоря, я не ожидал столь легкой победы. Да и если уж окончательно признаться, мне не так уж интересно было выпускать газету, сколько хотелось отстоять точку зрения в конкретном споре. Но, как говорится, назвался груздем – выпускай газету. Вот только весь рой мыслей, клубившихся во время спора, пропал. И в самом деле – с чего начать?

– Ну... думаю, сперва обсудить изменение формата с этими спортивными «старичками», у них все-таки опыт немалый...

– Зачем тебе старики? Сам же сказал, что будешь продавать себе. Так и ищи таких же, как сам, в команду. Старики эти борозды не портят, потому что зашоренные, идут прямо в привычном направлении. А то, что идут одни и эта борозда уже на фиг никому не нужна, не замечают. Если бы я такого опытного искал, ты бы до сих пор подсказки с бегущей строки читал. – Тимур резко поднялся и подошел к окну. – Вон твоя команда, – сделав подзывающий жест, продолжил он и указал на улицу, – вон идут молодые, наглые, неопытные максимы, – выбирай!

Я чуть не сделал шаг к двери, поддавшись его напору, словно и правда собирался бежать на улицу и хватать первых попавшихся ровесников. Видно, это движение хорошо прочитывалось со стороны, так как у Тимура опять появилась ехидная усмешка. Ладно. Когда-нибудь я тебя так же поймаю.

– Хорошо, Тимур, мне нужно пару дней, чтобы переговорить кое с кем. Думаю, что смогу подобрать основной костяк. Только мне понадобится и ваша помощь, – любому творчеству, которое надо выдавать на-гора по определенному графику, требуется хорошая материальная база. Мне нужно, чтоб ваш кадровик набрал кандидатов в корректоры, верстальщики, завхозы и тому подобное, – весь список подготовлю завтра утром. Поможете?

– Ну, это не проблема, – ухмыльнулся Тимур. – Я уж решил, что ты Мариночку себе затребуешь...

– Марина будет в списке номером один, – сказал я в формате «типа пошутил» и с опаской глянул на Тимура.

– Забудь, малыш. – В его взгляде за усмешкой промелькнуло что-то серьезное. – Ладно, посмотрим. У меня тоже есть кое-кто на примете, сведу с тобой. И знаешь что... Приводи-ка ты свой костяк в пятницу в наш центральный магазин прямо к закрытию, – я там для отдыха сотрудников сауну построил, вот в ней всё и обсудим вместе.

Глава седьмая

Первый в списке

...Что ж, дело за малым – сформировать команду. Я прошелся по комнате, соображая, где можно найти толковых людей, сел в кресло и уставился в пол. Даже находясь под пристальным взглядом, ковер не давал ответа. Ладно, первым делом стоит обзвонить друзей по институту – еще не все из них нашли нормальную работу.

Первым в телефонной книге оказался Андрей Алябин, с которым мы подружились лишь в последний год учебы, хотя я редко появлялся в институте. Ответа не было. Затем выяснилось, что Миша загремел в армию, Серега уехал в Америку, а Кирилл вполне устраивает пропивать родительские бабки, тусуя по клубам.

Закурив, уткнулся в комп. Четыре часа пролетели незаметно, и, так и не приблизившись к своей цели, я забылся тяжелым сном. Завтра продолжу, благо Тимур разрешил пару дней посвятить сбору команды.

В итоге за целый день прозвонов и отказов выйти мне удалось только на своего старого приятеля – Марата Юсупова. Почему-то я про него забыл – был уверен, что он стал чиновником и мое предложение его не заинтересует.

Познакомились мы еще на первом курсе. Марат, высокий спортсмен с ярко выраженной южной внешностью, смуглой кожей, густыми черными волосами, миндалевидными глазами, заметно выделялся в нашей группе. В нашем институте он оказался не по собственному желанию, а волей случая. Он жил в Сочи в довольно обеспеченной семье, – отец имел столярный цех по производству рам, дверей и мебели. Предполагалось, что со временем Марат сменит отца в семейном бизнесе. А пока он по полгода в сезон пропадал на пляже, охотясь на одиноких туристов.

Стандартный сценарий никогда не подводил. За вопросом, не надоело ли загорать среди однообразного песка, следовало приглашение бесплатно показать местные красоты в горах. В багажник «девятки» бросали сумки с вином, овощами, зеленью, по дороге покупали у знакомых горную форель, которую потом запекали прямо на костре в глине в одном из красивых уединенных местечек, известном всем местным казановам. Подогретые вином, изрядной долей романтики и харизматичностью южного молодого красавца, женщины от шестнадцати до тридцати таяли и отдавались прямо на месте пикника. Далее следовало несколько дней встреч, прощальный секс ночью на пляже и обещание приехать, когда закончится сезон. После чего, проводив нынешнюю подругу до поезда или самолета, Марат опять устремлялся на пляж за новой.

Проблемы возникли неожиданно. Очередная пассия умудрилась залететь. Но что самое поганое, этой кобыле-акселератке оказалось всего пятнадцать, и однажды она нарисовалась на пороге Маратова дома, ведомая за руку разгневанной матерью. Озвученные мамашей альтернативы: свадьба или тюрьма – оптимизма не внушали.

Марат, к счастью, тогда перегонял машину своему дяде, живущему в нашем городе, поэтому родителям удалось отбиться от потенциальных родственников заявлением, что знать ничего не знают, а сын живет и учится в другом городе в институте. Разъяренная мамаша юной любительницы приключений приходила еще несколько раз, надеясь застать этого «растлителя малолетних», поэтому на семейном совете было решено, что Марат останется у дяди, а для поддержания легенды и замаливания грехов пойдет в институт, на журфак.

Так Марат оказался у нас на журфаке. Что удивительно, голова у него оказалась светлая, и вступительные он сдал самостоятельно, хотя дядя и предлагал дать на лапу кому надо.

А сейчас он прозябал в городской администрации, в отделе по делам молодежи, спорта и туризма.

Я решил не тянуть и сам отправился к Марату в гости. Жил он в старом районе города, в обшарпанной хрущевке. Добрался на автобусе номер девять, долго петлял между старыми домами и наконец добрался. Позвонил в дверь. Сначала за дверью было очень тихо, потом почему-то раздался грохот, и дверь стремительно распахнулась.

– О, здоровчик, Макс!

Марат, завернутый в полотенце, был похож на героя греческих мифов. Коренастый, загорелый, мускулистый – я в очередной раз подумал, что не помешало бы и мне купить абонемент в качалку.

– Ну чего замер? Я не показания счетчика пришел снимать! Иди оденься хоть!

Пока Марат одевался, я прошел в гостиную. В шкафу поблескивали медали, кубки, фотографии с судьями, атлетами и пьедесталами. В углу висела боксерская груша. Сделав по ней пару ударов и отбив кулаки, я направился на кухню.

Марат вышел и первым делом до хруста пожал мне руку.

– Как сам? Все еще из телика вещаешь – или как?

– Да вот нет, я тут рекламщиком устроился.

– Что, листовки на улице раздаешь? – ехидно спросил Марат.

– Не, кое-что покруче. Я как бы генератор идей, понимаешь? Сижу в отдельном кабинете, кофе попиваю, мозгами раскидываю.

– Ну, нормально так.

– Во-во. И это все в сети спортивных магазинов.

– Моя тема! – Марат улыбнулся.

– Я знал, что тебе понравится. Мы собрались выпускать молодежную газету, и мне надо собирать команду.

– Что за газету? И ты сам там кто?

– Газету... крутую. Желтую. Шок, Секс, скандалы, интриги и все такое. Я – главред! Собираю только своих пацанов!

– Хм... Звучит круто...

– Ты-то сам чем занят?

– Говном. Бесит уже эта администрация.

– Чего так? А ко мне пойдешь работать?

– А платить-то будут нормально?

– Ну, из конуры своей, я думаю, быстро съедешь.

– Заметано!

Мы пошли в бар. За пивом вспоминали знакомых журналистов, выяснилось, что у Марата есть знакомый репортер, жмуший 160 от груди, но постепенно беседа свелась к спору, где бабы красивее – на журфаке или в инязе.

Знакомый репортер оказался студентом журфака и, конечно же, сразу подтвердил, что бабы там круче (Марат проиграл мне косарь). Идея работать в подобной газете ему понравилась, и он пообещал подогнать еще ребят.

Глава восьмая

Летучка в парной

В пятницу, ближе к концу рабочего дня, к центральному магазину «Бадлера» постепенно начали стягиваться «мои» участники команды. Встреча в сауне была назначена на полдесятого вечера, но, зная раздолбайскую сущность некоторых участников, я договорился встретить всех в девять часов.

Ясен пень, что когда я подошел к главному входу в магазин к без пятнадцати девять, меня ждали только Марат и какой-то белобрысый тип, видимо, один из тех, кого обещал привезти Антон (знакомый репортер, который жмет 160). При этом вид у белобрысого был, мягко говоря, ненормальный, неаккуратно лежащие волосы и бегающий взгляд вместе с какими-то резкими движениями наводили мысли о кислоте, которую, вероятно, этот тип употреблял накануне. Ну да и хрен с ним, главное – чтобы телегу свою гнал уверенно и четко, засасывая в лоно нашего издания как можно больше читателей. Думаю, как раз такие и нужны нашей газете, особенно в противовес тем старперам, которые останутся нам в тяжкое наследство от прежних издателей-неудачников.

Я подошел и поздоровался за руку с Маратом и с белобрысым. Марат, как всегда, больно пожал руку, белобрысый лишь слегка подержался за кончики моих пальцев и представился: «Леша». К девяти сорока мы наконец собрались в полном составе. Встретить нас вышел Тимур, в майке, шортах и сандалиях. Он провел нас в сауну, где уже расположились все члены его команды.

В предбаннике уже был накрыт стол. Все расселись, и началось «знакомство». Команда у нас подобралась разношерстная настолько, что даже выдавший виды Марат иногда поглядывал на меня изумленно. Из всех шумным балагурным басом сразу выделился наш общий с Маратом кент по вузу, Васо-прикольщик. Не успели мы рассестись, как он зычно начал прогонять шутки со скоростью пулемета. Первым делом Васо предложил каждому из нас обзавестись ник-неймом.

– Имена и фамилии настоящих героев, – вещал он, – годятся только для эпитафий. Нам нужны запоминающиеся и звонкие псевдонимы, чтобы читатель узнавал сразу. Без альтернатив и подделок. Меня зовите Васо. А если уважительно – Васо-прикольщик!

– Ну, тогда я – Шланг, – задиристо выпалил высоченный азиат в очках, по виду ну чистый ботаник. – Меня так еще на практике называли, из-за роста.

– Приятно познакомиться, Б.Рысь! – представилась брюнетка с копной волос до пояса (и, надо отметить, очень неплохим бюстом). – Ничего личного с миром фауны. Просто звучит хорошо и сразу понятно особо надоедливим мужикам.

– Так ты «Брысь» как глагол или существительное? – язвительно поинтересовался Васо.

– Для тебя, Васо, я как прилагательное... «недоступная». Так что давай без лишних иллюзий.

Васо не обиделся. Его достаточно едкий юмор был при всей едкости добродушным. Сидящую рядом девушку небольшого роста Прикольщик сразу окрестил Чукоткой за ее фенечки и теплый свитер с оленями. Но получилось это настолько беззлобно и смешно, что вызвало только новую волну смеха. Наверное, именно присутствие Васо помогло всем немного расслабиться и начать потихоньку знакомиться друг с другом. Тимур пока молчал и лишь наблюдал за спектаклем. Я встал со своего места, взял стопку с водкой и прочистил горло театральным кашлем.

– Кхе! Господа! Минуточку внимания! Разрешите поблагодарить вас за то, что откликнулись на наше приглашение, и смею вас уверить: вы не пожалеете, что пришли! За нас!

Все выпили и потянулись за закуской к столу. Подождав пару минут, я продолжил, уже не вставая. По факту, речь была скомканная, как у Чебурашки на открытии его Дома дружбы.

– Итак, сегодня, можно сказать, первый наш с вами рабочий день как коллектива новой газеты, которую мы планируем в скором времени начать издавать, и я хочу, чтобы у нас получилась отличная креативная команда, которой будет все по плечу!

И снова «звон» пластиковых стаканчиков. Васо поднял руку.

– Макс, а у нас все собрания будут в саунах проходить? Если так – я готов даже без зарплаты повкалывать!

Когда все отсмеялись, слово взял Тимур:

– Уважаемые мои журналисты, репортеры и, как это сейчас стало модно говорить – «криэйторы»! Я надеюсь, из вас получится отличная сплоченная команда! И мы сможем удивить наш город, как думаете?

– Да без базарчику, – ответил ему в тон Васо и снова поднял пластиковый стакан.

Все выпили.

– А теперь, – сказал Тимур, – все в сауну, потом трезветь в бассейн, и надо определиться с дальнейшими действиями.

Полчаса спустя наша распаренная команда развалилась на диванах, и начался мозговой штурм.

– В дальнейшем я планирую запуск ежедневной телепрограммы, – сказал Тимур. – Сейчас нам необходимо выяснить, что интересно нашим людям, о чем они хотят читать, что будут смотреть и все такое. Вопрос – как?

– Я считаю, – Шланг поправил очки на переносице, – надо идти и спросить. Проведем опрос, например, у всех подряд и потом проанализируем, ага?

– Вот прям так пойдешь и спросишь? – скептически поинтересовалась Б.Рысь.

– А почему нет?!

Васо вскочил со своего места и стал мерить комнату большими шагами.

– Сделаем анкету! Определим возрастные группы...

– Места скопления! – встрял Шланг.

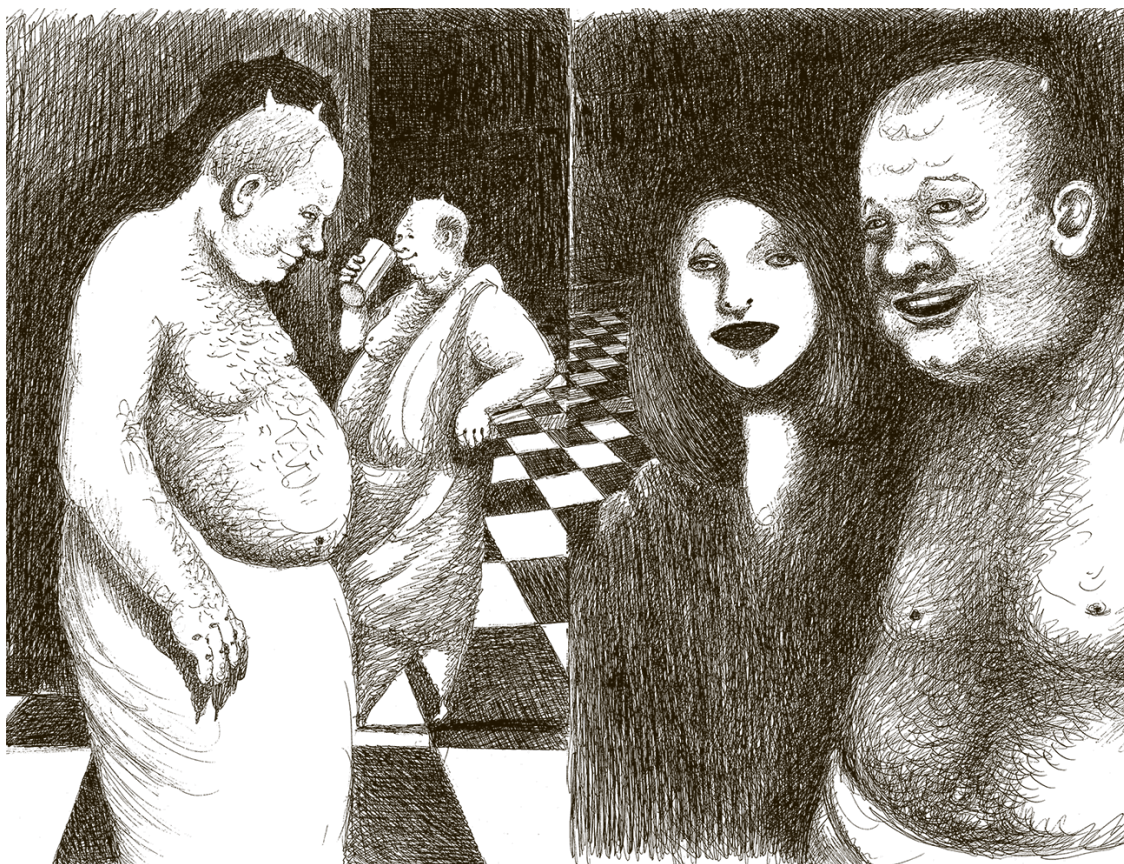
– Именно! – Васо подошел и чмокнул его, еле дотянувшись до лба. – И начнем потихоньку формировать направления творческой деятельности! Как тебе, Макс?

В ответ я поднял стаканчик с водкой.

Тимур удовлетворенно кивнул. Зацепил вилок кусочек красной рыбы, закусил.

– Перерыв на сауну с бильярдом, и потом пройдемся по «местам скопления», – сказал он. – Стахановцы вы мои!

В сауну я больше не хотел и пошел сразу к бильярду. Через пару минут ко мне присоединился Тимур.

Мы расставили пул-восьмерку, Тимур взял кий, еще один перекинул мне.

– Как думаешь, Макс... Вроде толковая команда. Разбивай.

Я хлестнул по пирамиде, раскидав шары вдоль бортов своим коронным ударом «западло», откатив белый шар на начальную позицию.

– Сами видите, Тимур. Все бойкие, дерзкие. Их энергию да в мирных целях – они весь город на уши поставят.

Он протер кий мелком, положил обратно на бортик.

– Смотри, студент, и учись.

В следующие десять минут он по очереди раскатал все свои шары по лузам, а потом еще и мои, по порядку. Вот и поиграли. Глядя на мой обескураженный вид, Тимур усмехнулся и забрал у меня кий.

– Иди, Макс, твои вернулись. Если будет настроение – потом научу.

В следующие часа полтора мы определили зоны по социальным и возрастным критериям, клубы, парки, магазины. В общем, распилили городок вдоль и поперек и вскоре отправились собирать материал.

Глава девятая

Следующие

Марат Юсупов

В половине шестого я отправился к известному на всю страну заводу по переработке нефтешлама. Из проходной бодро выходили рабочие в тельняшках, камуфляже и потертых пиджаках, и их шумный поток тек четко к ближайшему ларьку разливного пива. Я взял тот же курс, и уже через минуту в моей правой руке была кружка разливных «Жигулей», а в левой – здоровенный пакет с чипсами. Опершись на кривое подобие стола, я встал рядом с группой ребят, щелкающих семечки и дискутирующих о свежих новостях шоу-бизнеса.

– Да я те отвечаю, у него точно яиц нет! Я слышал, что всем пацанам, которые в хор идут, яйца на хрен отрезают, вот и у Преснякова твоего, небось, так и было!

– Не, ты чё, хренота все это...

– Да как хренота, вон, по телику недавно говорили, что Майкла Джексона в постели с негритенком засекли, так что они там все сплошь гомики или без яиц!

– Не, ну а барды, они чего, тоже без яиц?

– Так нет, раньше нормальные были певцы – вон, Круг, Высоцкий – они нормальные. Это сейчас одни гомики.

Достаточно наслушавшись про тестикулы и сексуальную ориентацию эстрадных исполнителей, я направился к другому столу. Там разговор шел о политике.

– А я вообще в прошлом месяце во Фрязино с Ельциным бухал!

– Да брось заливать!

– Я в Москву к тетке летал, на шестьдесят лет. А она его еще с института знает, со Свердловска, вот пригласила.

– Охренеть! И чё, какой он?

– Нормальный мужик, чё.

– А что было?

– Ну нажрался, рассказал, как его в восемьдесят девятом с моста в Москву-реку сбросили, утопить пытались, суки. Потом что-то про америкосов затирал... Его водитель унес, пока, говорит, государственных тайн не разболтал.

Потом я узнал, что водка подорожала из-за козлов, поднявших акцизы, о единогласном признании матросами красоты Пугачевой, о чьей-то залетевшей соседке и про множество других немаловажных событий из жизни работников завода по переработке нефтешлама.

Наконец, наслушавшись захватывающих рассказов, я позвонил Максиму, и мы встретились в баре «Азалык».

Заказав кальян и расположившись на диване, мы стали обсуждать мой поход в люди.

– Ну как прошла встреча с доблестными героями социалистического труда?

– Да так себе. Мудаки они.

– Э, не, Маратик. Это наши читатели, и мы должны их любить. Особой любовью. Ну так что же будут читать наши труженики?

– Да все, о чем пишут в желтых газетах, – скандалы, сплетни, всю эту лабуду про звезд. Про политику можно что-то такого же рода нагнать.

– Значит, нам нужны люди, способные намотить сенсаций, типа «Россия потрясена», «Раскрыты секреты»?

– Именно. И такой человек – перед тобой.

Васо

В свой бывший универ я перся с двояким ощущением. С одной стороны, возвращаюсь в место, которое, как мне казалось, наконец забыто, словно страшный сон, а с другой – такая ностальгия за душу взяла при виде старых стен! Вот тут с пацанами пиво пили вместо пар, вон там над физруком стебались. Помню, как на 8 Марта дарили преподам связки гондонов вместо шариков. Золотое было время! Дубовые двери, времен, наверное, Древнего Египта, все так же открываются с трудом. Не успел я войти в холл, как меня окликнули:

– Кого я вижу! Васо-прикольщик! Какими судьбами?

– Здорово, Мелкий! Не поверишь, по работе к вам.

Мелкий, или Лёха Меликов работал в универе охранником. Его прозвище было из той серии, что никак не вяжется с внешностью обладателя. Это был здоровый лось, в юности серьезно занимавшийся тяжелой атлетикой. В общем, мы и познакомились с ним в качалке, еще когда я на первом курсе учился. Тогда я его Мелким и окрестил. Прижилось, блин. С этим кадром тоже было выпито немало, плюс к тому Мелкий был не дурак покурить травы. Узнав, что я по работе, Лёха сразу насупился.

– Только не говори, что ты теперь в ментовке пашешь, – пробурчал он.

– Нет, Мелочь, я журналистом стал. Газету новую выпускаем. Скоро увидишь, отрыв башки гарантирую!

– Да ну! – сразу просиял Мелкий. – Я тебе всегда говорил, что ты голова! А помнишь, как ты воздушную тревогу по радио на весь универ объявил...

– Было дело... – перебил я. Мне не хотелось терять время. – Но ты, блин, телепат хренов. Радио бы мне сейчас очень пригодилось. Пух на месте?

– Ясен красен, – заулыбался Лёха. – Никак решил вспомнить молодость? – кричал он уже мне вслед.

Мне было некогда предаваться длительным, хоть и приятным воспоминаниям с Мелким, и я поспешил в радиорубку, где вот уже одиннадцатый год подряд работал диджеем Александр Сергеевич Пушкин, а для своих просто – Пух. В отличие от своего полного тезки, цветоча русской поэзии, наш Пушкин был его зеркальным отражением. Диджею Саше было уже за тридцать, он имел пивной живот, коллекцию музыкальных дисков, с известными ему одному группами, и компьютер, который занимал большую часть его свободного времени. Нормальный джентльменский набор неудачника по женской части. Единственное, что объединяло двух Пушкиных, – черная курчавая шевелюра.

– Привет, красавчик! – сказал я голосом Мэрилин Монро. – А не поставишь для меня аргентинское танго?

– Васо! Здорово, приятель! – Пух стиснул меня в объятиях, припечатав к моей рубашке солидную долю хлебных крошек. – Ты какими судьбами?

– Надо бы воспользоваться твоим микрофоном, – с ходу пояснил я.

– Э, нет! Меня за тревогу твою чуть не вышвырнули, хочешь, чтобы я совсем без работы остался?

– Не волнуйтесь, Пушкин, – успокоил я диджея. – На этот раз все будет тип-топ.

Комбинация была несложная. В универе я был на короткой ноге со всеми, кто там работал, и с помещением проблем не возникало. Текст сообщения я набросал минут за пять и, когда наступил большой перерыв между парами, объявил на весь вуз: «Уважаемые студенты, преподаватели и сотрудники университета! Сегодня в 17.00 в актовом зале состоится собрание, посвященное проблемам современного общества в нашем городе! На повестке дня будет много интересных тем, таких как “Нежелательная беременность”, “Гомосексуализм – добро или зло?”, “Секс как средство управления” и т. д.!».

Я вспомнил, что когда учился на четвертом курсе, к нам в универ приезжал какой-то профессор кислых щей и что-то заунывно втирал нам про сексуальные отношения. Это была идиотская инициатива ректора, который вдруг озаботился воспитанием студентов. Никто не

был готов выслушивать скучные ученые речи, но поржали все тогда от души. Мы задали профессору столько провокационных вопросов, что он, краснея, сбежал из зала. Так уж вышло, что я был кем-то вроде живой легенды в нашем вузе за свои многочисленные проделки, поэтому не сомневался, что какая-никакая фокус-группа точно соберется. Но неожиданностью стал полный зал.

Собрание прошло на ура. На этот раз в роли профессора выступал я, и такой метод обучения явно нравился молодым студентам. Наши зачуханные преподы и консерваторы-деканов тоже были довольны. Впервые в актовом зале шел открытый ожесточенный спор насчет секса и наркотиков, гомиков и лесбиянок, убийств и изнасилований. За пару часов все население универа погрязло в пороке.

Это была победа! Мне удалась разведка боем. Попал в точку, что называется. За несколько дней я оббегал все городские вузы и провел аналогичные собрания. Я выбрал самые запретные, самые неприличные и непристойные темы, и они сработали. В заключение каждого выступления я спрашивал: хотели бы вы видеть подобную информацию в газетах? Студенты орали так, будто они уже были готовы оформить годовую подписку.

Б.Рысь

Мне достались молодые мамы, домохозяйки и даже бабульки. Самый бесперспективняк, короче, я бы предпочла банкиров, аналитиков, искусствоведов. Однако за задание взялась без возражений. Опытный профессионал или по-настоящему талантливый журналист сделает конфетку из любого материала. А уж когда его примут и одобряют, можно будет намекнуть, чего это стоило. Слегка. Так, чтоб это казалось самостоятельной мыслью, пришедшей руководству в голову.

План и легенда были такие: я – молодая мама, с мужем недавно переехала в новый район и теперь хочу отдать ребенка в садик. Причем нужен не просто садик, а такой, чтоб дитя мое там обласкали, английскому научили и меню специальное на обед и полдник подобрали.

Собрать мнения, советы, рассказы, жалобы, а потом все это плавненько свести к тому, что садиков нормальных нет. Никакого тебе меню, воспитательницам вообще на детей наплевать, они весь день предоставлены сами себе. И оттого уже с пеленок дети утыкаются в телевизор, портят зрение, толстеют, не хотят учиться и ужас-ужас-ужас. А вот ра-а-аньше – день и ночь играли на воздухе, и какие были здоровые! Это не может не выстрелить. Не знаю никого, кто бы не вспоминал с ностальгией о счастливом голопопом детстве. Так что стоит немедленно своим детям велосипеды, скакалки, летающие тарелки, ролики и, разумеется, полный набор высококачественной и недорогой защиты. Мысленно я уже вставляла ненавязчивую рекламу в статью, убивая двух зайцев. И задание выполнила, и инициативу проявила, помогая рекламщикам.

А уж раскрутить мамочек на рассказы о себе будет совсем просто. Вопросы толстых поп, «апельсиновых корочек», и как убрать волосы безболезненно, и как похудеть на пятнадцать кг за неделю, волновали, волнуют и будут волновать их всегда. Господи, как-как! Давно известно как – не жрать! Однако этого мы говорить не будем, а сведем к тому, что пора научиться уважать собственное тело, заботиться о нем, воздать должное продуманной нагрузкой, красивым снаряжением и формой и, конечно, специально разработанной программой. А купить все это можно где угодно! Не только в «Бадлере», разумеется, мы ведь не реклама, мы идеология.

С бабулками я решила разобраться позже, потому что не видела их в качестве целевой аудитории. Грабли и тяпки-то мы не продаем, а о здоровом образе жизни им думать как-то поздновато. О здоровом образе жизни в контексте спорта, конечно же, газету «Здоровье

и народные рецепты» они-то запоем читают. Ладно, в конце концов, проконсультируюсь у собственной бабушки, а заодно и позвоню ей. Ну а пока меня ждали молодые мамочки.

Для знакомства я выбрала большой зеленый двор в нескольких кварталах от работы. И идти недалеко, и обман не раскроется в случае особой подозрительности. Операция «Мамочки» началась. Я, как Володя Шарапов, внедряюсь в банду, вербую агента, получаю основную информацию, на ее основании втираюсь в доверие к остальным, набираю материал и растворяюсь в летней дымке. Идеальный план!

Только все пошло не так с самого начала.

Во-первых, не стоило надевать платье и туфли. Совершенно не учла этот момент. Кроссовки, шорты или спортивные штаны, футболка – вот униформа молодой мамочки. И волосы непременно должны быть собраны в хвостик. Крысиный хвостик. Господи, как же они живут-то такие? Молодые же девчонки, а чучундры чучундрами. Жуть какая. Ладно, не столь важно, как они одеты, проблема в том, что разговорить их оказалось куда сложнее, чем я думала.

– Здравствуйте. Мы с мужем недавно переехали в ваш район. Вот теперь присматриваем садик получше. – Четыре пары не особо дружелюбных глаз смотрели на меня без всякого выражения. Мысленно я назвала их Мамаша в сером, Мамаша в шортах, Блондинка и Гюльчатай – за отчетливые темные усики у последней. – Может быть, вы подскажете какой-нибудь проверенный садик?

– А вы в очередь-то встали? – с какой-то ленивой недоброжелательностью обратилась ко мне Мамаша в шортах, судя по всему, она была в компании заводилой.

– В какую очередь?

– Ну в какую-какую, – в комиссию! Заявление пишете, подаете документы в комиссию и встаете в очередь. А потом ждете жировку. Мы вот сразу после рождения записались, в три годика дали место. Так что ничего у вас не получится.

– А сколько лет-то ребеночку? – с таким же ленивым пренебрежением подхватила разговор Блондинка.

– Два годика ей.

– Пф, так вас и не возьмут! Это же еще в ясли нужно. А яслей у нас в районе нет, были одни, в прошлом году закрыли. В общем, – резюмировала молчавшая до этого Гюльчатай, – ничего у вас не получится. Даже если денег дадите.

– А что, можно дать кому-то?

– Да конечно, можно, – слегка оживились мои собеседницы. – Всегда можно кому надо на лапу дать.

– Да-да, – подхватила Гюльчатай, – только сейчас совсем уже беспредел! В открытую уже говорят, кому сколько дать, без стыда и совести. И это еще что! Они ведь и с детьми так! Знаете, что они делают? Отупляют просто-напросто!

И тут на меня полился нескончаемый поток сплетен и нелепиц. Они явно готовы были выкладывать мне наболевшее, все свои жалобы и все домыслы до кучи. Разговор пошел вовсю без моей помощи, мне же оставалось только внимательно слушать и не перебивать.

За неполные десять минут я узнала, что детей специально учат плохим словам и чтоб они родителей ни во что не ставили и росли неуправляемыми! А постоянные поборы на пластилин и танцы идут на покупку машин директрисы, у нее их уже три. А с детсадовской кухни продукты прут грузовиками на перепродажу. И из-за этого вместо нормальной еды детей кормят гормональной кониной. А коней разводят на ферме при зоопарке по договору между администрациями, якобы в целях создания клуба реабилитации детей-инвалидов через контакт с лошадьми. А на самом деле конскую вытяжку продают китайцам, а мясо потом в садики или продают как говядину! А в огороде бузина, а в Киеве дядька...

Казалось, я нашла золотую жилу. Это никак не вязалось с начальным планом, однако такой материал нельзя было терять ни в коем случае. Максим с Маратом явно придумают, как выгодно его использовать.

По детским садикам я прошла уже подготовленная – с ходу говорила, что собираю жалобы населения для передачи и последующего решения вопросов на уровне администрации. Узнала достовернейшие факты о коррумпированности всех слоев населения, особенно подробные сведения – о криминальных группировках нищих и бомбышек, обогатилась информацией о генетических мутациях, о детях, рождающихся больными из-за пристрастия молодых мам к обработанным химией продуктам, о подменах в роддомах и криминале в школах. Плач о низких зарплатах и финансировании клиник пластической хирургии за счет социальной политики просто терялся на этом фоне.

Самой информированной группой опрашиваемых оказались бабушки. Удостоверение прессы открыло мне такие тайны, о которых не додумался бы ни один злодей ни одного даже самого кошмарного боевика. Прежде всего, воду нужно кипятить три раза, иначе она убивает, ведь в нее специально добавляют отравляющие вещества. Люди заболевают и начинают покупать все больше и больше дорогих лекарств. Это заговор правительства и фармацевтов. Во-вторых, лекарства не помогают, это все обман, люди мрут ускоренными темпами! В подтверждение этого недалеко от центра, прямо внаглую, на глазах у всех строят крематорий, который будет вырабатывать уран. А урановая энергия пойдет для подземного бункера губернатора. Его недавно нашли, когда рыли канализационную траншею. Однако пресса все замалчивает.

Ну что ж, судя по всему, мы явно будем первыми, кто расскажет всю правду народу. Я шла домой и улыбалась. Мысленно и так и эдак тасовала тонны полученной информации, выстраивая ее в гладкий связный текст. Завтра на летучке это точно будет бомба.

Лора Енина

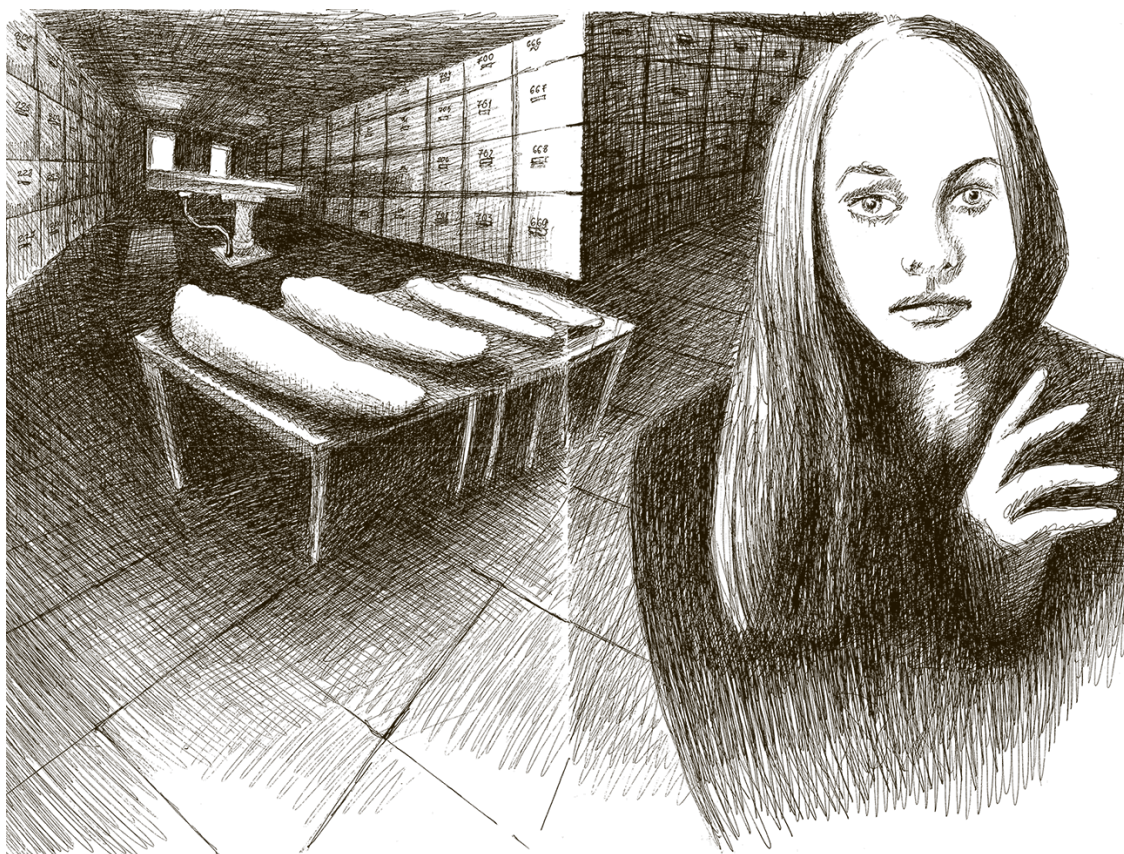
Ненавижу банальности. Серые люди, примитивные истории, заезженная социалка. Мой первый материал должен стать шоком. Вызовом. В первую очередь для себя самой. На что я готова, чтобы удивить? Как запомниться читателю? На досуге начала анализировать собственные страхи. Раз вызывают эмоции у меня – значит, могут быть интересны другим. Страх одиночества? Куда нам, молодым и красивым. Для молодежи не особо актуально. Крыс, пауков, мышей боюсь, похоже, я одна, парням будет даже смешно читать об этом. До страха старости еще далеко, на самолетах летаю, как на карусели. А вот покойнички – действительно тема что надо. Уже давно в моей шальной голове блуждала мысль побыть в роли патологоанатома. Хотя бы на денек. Признаюсь честно, я до ужаса боюсь мертвецов, и поход в морг произвел на меня сильнейшее впечатление.

– Алло, здравствуйте. Меня зовут Лора Енина. Я являюсь специальным корреспондентом газеты. В настоящее время работаю над проблематикой патолого-анатомических отделений нашей области. В прессу просочилась информация о санитарных нарушениях в вашем ведомстве. Мол, трупы в несколько рядов на кафеде, а холодильники забиты фруктами из Китая. Уверена, что это просто слухи, но в качестве опровержения готова лично посетить ваш морг и разубедить миллионы наших читателей в очевидной клевете. Мне будет необходим сопровождающий и интервью с патологоанатомом. – Не дождавшись ответа, я повесила трубку. Пусть напрягутся. Накатив сто грамм для храбрости, я отправилась на окраину города в единственный известный мне морг.

Через полчаса я была у цели. Окутанное лесополосой, передо мной возвышалось старое двухэтажное строение, как выяснилось позже, постройки 1936 года. У ворот стояло множество машин с венками внутри. Сразу стало как-то не по себе. «Экскурсовод» меня уже ждал. Пройдя бюро ритуальных услуг, мы оказались в плохо освещенном помещении суд-

медэкспертизы. Здесь царили покой и тишина. Среди работников встречались в основном женщины с суровыми лицами и безразличным взглядом. В административных кабинетах отсутствовали компьютеры и прочая оргтехника. Далее мы прошли в служебное помещение, где хранятся инструменты для вскрытия покойников. Еще в коридоре я почувствовала ужасный трупный запах, от которого защипало в носу и закружилась голова. Набрав побольше воздуха в легкие, я открыла дверь и вошла внутрь. Первое, что увидела: прихожая, с пола до потолка отделанная кафелем. По краям – несколько металлических кушеток. В самом большом помещении на таких же «лежанках» находились четыре желто-синих трупа. Я подошла ближе к одному из них, чтобы рассмотреть лицо. Когда-то этот человек играл в футбол, влюблялся, стремился быть счастливым, а теперь беззащитно лежит на алюминиевом столе, в виде куска гниющего мяса, и ждет своей очереди захоронения.

В помещение зашли люди в белых халатах. Несмотря на ужасающую обстановку, они были в хорошем настроении и даже успели обменяться парой шуток в мой адрес. Раньше мне казалось, что все работники подобных заведений мрачные пессимисты и депрессивные извращенцы. А эти ничего, даже симпатичные ребята.

Я решила пройти в самую дальнюю комнату (лучше бы я туда не заходила), оказавшуюся местом, где хранятся все трупы, попросту говоря, морозильник. От увиденного меня покорило. Картина была далека от той, что мы привыкли наблюдать в голливудских блокбастерах: сверкающая чистота, выездные алюминиевые шкафы. На площади примерно в двадцать квадратных метров было навалено не менее пары десятков мертвецов. Я коротко вскрикнула от испуга и бегом вернулась в «чистый» отсек прозекторской. Сами понимаете, нервы не железные.

Однако новая картинка была похлеще предыдущей. Санитары положили труп на металлический стол с вмонтированным умывальником, напоминающий перевернутую

ванну. Один из патологоанатомов вставил мертвецу под спину деревянный брусок для того, чтобы грудь выдавалась вперед, и провел скальпелем от шеи до низа живота. С каждой минутой мне становилось все больше не по себе. Тем временем врачи продолжали делать свое дело. Сначала отделили кожу от ребер, после разрезали часть живота и достали печень (как выяснилось, она была не очень здоровой, наверное, при жизни человек любил выпить). Орган тут же оказался на специальных весах, расположенных рядом со столом.

Последнее, что помню, – как подкашиваются ноги. Дальше – ничего. Пришла в сознание уже на улице. Слава богу, нашатырь в этих местах всегда наготове. «Экскурсовод» долго еще хлопотал вокруг меня, предлагая то воды, то подвезти до дому. Какое-то время я так и сидела на скамейке, рассматривая осенние облака и красоту местного леса. Возможно, впервые я благодарила Всевышнего за то, что жива, здорова и готова к новым открытиям своей жизни. Разумеется, на интервью с патологоанатомом в тот день меня уже не хватило.

Тин Тоник

Сколько себя помню – всю жизнь ездил в электричках. Угроздило меня родиться в ближнем пригороде, что называется, не пришей кобыле хвост. С одной стороны, до центра города рукой подать, с другой – не настолько близко, чтобы тусоваться допоздна и потом не бежать сломя голову на последний поезд. Максим потому и поручил мне электрички, так как я единственный из всей команды, кто ими пользуется.

Еще пару недель назад я и представить не мог, что попаду в такой проект. В детстве всегда мечтал о подобной работе, и пока все рублились во вкладыши, для меня не было большего кайфа, чем урвать какой-нибудь московский молодежный журнал или слушать только-только появившиеся аналоги западных радиостанций. Часто представлял себя у микрофона в студии и даже, помнится, что-то записывал на кассеты. Я даже псевдоним себе тогда придумал: Тин Тоник. Первая часть от модного тогда словечка «тинейджер», а вторая – как меня звали друзья, сокращая мое настоящее имя. На самом деле зовут меня Антон Петров, но поди попробуй стань известным с таким редким именем.

Я хотел попасть на радио, а в итоге вкалывал в прессе. Сутки напролет какие-то репортажи, которые писать приходилось исключительно по шаблонам. Правды не было, а были только сухие факты. Статистика, логистика и прочая пофигистика. Короче – ерунда полная. После трех лет такой практики я совсем было потерял то чувство романтики, которое двигало мной при выборе профессии и которое оказалось скомкано и истоптано, когда я стал заниматься подобной писаниной. И когда мне предложили поучаствовать в создании новой газеты, то ни секунды не мялся. Я понял: вот оно. Вот теперь я оторвусь!

Поскольку обычное дело в час пик – беспощадная схватка между теми, кто хочет зайти в вагон, и теми, кто хочет из него выйти, а также толпа консервов внутри поезда, я решил пройтись по электричкам (или, как я больше привык говорить, по «собакам») ближе к вечеру, когда одуревший рабочий класс уже рассосется по своим домам. В это время можно встретить множество разношерстной публики, в основной своей массе – молодняк от шестнадцати до двадцати пяти, который едет тусоваться в центр города и который я выбрал своей первоначальной целевой аудиторией. Как оказалось позже, аудитория моя на самом деле границ не знала.

В грязном тамбуре отвратительно воняло табачным дымом, источником которого были две девчонки лет шестнадцати. На ловца и зверь. Девчонки курили дешевые сигареты и болтали.

– Он штаны спустил, и тут я как начну ржать!

– А он?

– А он говорит: «Чё ты ржешь?» – и смотрит так обиженно...

– Ха-ха-ха!..

Я решил прервать их великосветскую беседу.

– Добрый вечер, леди! – Я подошел к ним. – Как оно?

Улыбки тут же слетели с их физиономий. Наверное, подумали, что я начну приставать, хотя вид у меня был совсем не угрожающий.

– Здравсте! – ответила та, которая рассказывала про неудачный сексуальный опыт.

– А у нас ничего нет! – помедлив, зачем-то добавила она.

– Да мне ничего и не нужно, – успокоил я их. – Расскажите лучше, чем сейчас молодежь увлекается? Я журналист, мне для работы надо.

Вопрос был, конечно, идиотский. Но поняв, что я настроен миролюбиво, девушки с удовольствием поддержали беседу. Когда человек напуган, он будет делать что угодно, лишь бы заговорить зубы. Сперва они что-то мямлили про музыку и шмотки, но я чувствовал, что это все не то. Через пять минут разговора, задавая правильные вопросы, я все-таки услышал то, что хотел. То, что они обсуждали, пока я не подошел. Молодежь нынешнюю хлебом не корми – дай перемыть кости одноклассникам, учителям, и остальному их окружению. Причем, по словам моих собеседниц, «пацаны хуже баб».

За время нашего недолгого интервью я выяснил, кто с кем переспал, кто кому изменил, кто кому продал наркоту и кто из звезд эстрады гомосек, а кто притворяется. Поблагодарив девчонок, я отправился дальше.

В течение недели в роли моих подопытных был самый разный народ: от таких вот малолетних докладчиц до беспроигрышного варианта бабушек-осведомителей. Я узнал, что в нашем городе живут, по меньшей мере, семь внебрачных сыновей Юрия Антонова, пять – Иосифа Кобзона и две дочки Рыжего из «Иванушек». Причем мне даже указали имена и адреса этих людей.

Все эти непроверенные факты меня не интересовали. Было важно другое: абсолютно все опрошенные мной люди, включая завсегдаев электричек – измученных жизнью сорокалетних мужиков с китайской черной сумкой и бутылкой крепкого пива, все с каким-то ненормальным фанатизмом норовили кого-то задеть, унижить, засунуть руки в грязное белье поглубже.

Самым интересным классом людей в этом смысле были дачники. Вечер пятницы и день воскресенья – вот когда состоялся мой самый большой улов! В электричках – нереальные скопления людей, в обычной жизни представляющих самые разные профессии. Мне удалось вовлечь в беседу целые вагоны, набитые школьными учителями, врачами, продавщицами, охранниками и черт знает кем еще. А один раз, вот это был вообще водевиль – мне случайно удалось чуть не до драки поссорить двух пожилых кандидатов наук, которые внезапно скатились до обсуждения ориентации всех известных им артистов. Короче, дачники мне очень помогли. Стало ясно, что только сплетни, порно и дерьмо, – вот что интересует этих приличных с виду людей. Ну что же, будет вам грязная правда! Посмотрим, как вы запоете, когда сами станете героями статей!

Шланг

Дурацкое это прозвище – Шланг. Со школы еще прицепилось, из-за роста, ну и вообще габаритов: руки как макароны, ноги длинные.

После журфака я оказался на самой дерьмовой должности, которую можно представить, – остался при универе вести универский сайт, как бы контент-менеджер и комьюнити-менеджер, если по-московски. А на самом деле на сайте этом было полторы калеки на форумах и десять посещений в день. Я подозреваю, что это деканы и ректор. А по большому счету, я писал и перепечатывал тексты для методичек, объявления для студентов и вел что-то типа «Студенческого листка» тиражом 200 экземпляров. Короче, талант свой я просрал.

Сольную писанину забросил, рассказы со стихами забыл, даже с городскими газетами все отношения порвал.

И на встречу эту с Максом Линчевым идти не хотел. Оту пел уже от дурацкой работы и бухла. А там – как-то ожил, сердечко туки-туки... Вспомнил годы молодые...

Ненависть особенно вспыхнула. Ко всем этим педерастам, которые молодость и талант мои в землю зарыли, говном своим изосрали. Сука, я талантливый парень, – мне говорили, что мои тексты лучшие на потоке, – вынужден заниматься адовейшим никчемушным говном! Методички преподам собирать! Курсовики за копейки писать!

Я им покажу. Я этот город своими текстами выворочу наизнанку. Они все! – все эти говнюки мне руки будут целовать!

Город у нас патриархальных устоев, сильна мусульманская диаспора, от Москвы далеко. Я ненавижу свой город. То есть нет, город как сам по себе я люблю – все его улочки-скамеечки, парки-палисадники. А вот горожан ненавижу, всех, себя в первую очередь.

Поэтому задание – определить, что нашим горожанам надо, я понял с точностью наоборот. Надо найти то, что они ненавидят, и воспевать это. Смаковать, расписывать на полполосы в каждом выпуске. Они будут с ужасом визжать: «О, опять эта гадость!..» – и спешить покупать газету, так их будет это манить и притягивать.

Я решил особо никуда не ходить – слишком ненавидел живое общение. Зашел через анонимайзер на городской форум, завел там пару фальшивых аккаунтов, поставил на аватарки девчачьи мордашки и начал заводить провокационные темы во всех разделах про все подряд.

Скоро выделились основные ветки, где срач разгорелся не на шутку. Каменты посыпались, как горох из дырявого мешка. Политика, религия, история, гражданское общество, секс.

– Если бы князь Владимир принял на Русь не христианство, а ислам, мы бы жили счастливо!

– Гитлер хотел спасти нас от Сталина!

– Правительство задрало!

Ну и так далее.

Любая из тем была благодатной, чтобы стать первой для моей рубрики в газете, но я решил, что все это скучно и топорно. «Уголок скинхеда», тоже мне скандал. Все эти размышления можно дома на кухне послушать. Нет, тут нужно что-то действительно мерзкое. Чтобы они его жрали, жрали, захлебывались.

Я решил изменить угол освещения. Надо осветить жизнь каких-нибудь парий, которых все ненавидят, но писать об их жизни с залихватским огоньком. Бомжи? Ерунда. Слишком они несчастные, и все их будут жалеть. Уголовники? То же самое, у нас каждый второй – уголовник. Наркоманы? Не то, не то. Не для нашего города. Вдруг меня словно озарило, все склеилось в идеальную картину.

Город, горожане! Традиционные устои, тюрьмы и уголовники, мусульмане и гопники, обыватели и пенсионеры, все они ненавидят только педерастов! (Ну я и сам их ненавижу, надо признаться.) Но! Именно о них надо писать. Пусть читают. Ох, как я буду писать! Вы все пожалеете!

ЗапЯТая

У меня клевая работа. Я работаю на радио музыкальным обозревателем, а вообще было бы неплохо не только триндеть, но и писать. Одно другому не мешает.

С этой мыслью и билетом на концерт местной набирающей популярность группки «Стрекозы» я выходила из офиса. Группа, конечно, так себе, попснйчок, однако солист у них симпатичный: светловолосый, накачанный. Люблю симпатичных, люблю блондинов,

люблю накачанных. Шатенов тоже люблю и худых люблю, вообще люблю все красивое. А особенно люблю то, что бейджик «Пресса» дает мне проход за кулисы. Именно там всегда все самое интересное.

Большинство контактов в моей телефонной книжке (эх, когда-нибудь дорасту и до настоящего сотового!) были именно с пред– и афтер-пати, на которые можно попасть по знакомству или с помощью наглости и хорошо подвешенного языка. И первое, и второе, и третье у меня в наличии. А заодно пара историй, рассказ о которых уже можно выдать за готовые результаты опроса. Тем более что задание нам озвучили настолько общо, что можно было вообще не напрягаться.

Что волнует целевую аудиторию, когда сама аудитория даже слов таких не знает? Все темы давно известны и кочуют из тусовки в тусовку. Где достать и как получше спрятать наркотики. Зачем в райдере у группы XXX записаны восемь пар черных носков? Почему пиво в баре гостиницы всегда теплое, а звук всегда холодный? Отчего фронтмен рок-группы на концерте выбросил собаку со сцены, или как в трусах тощего продюсера поместилось два килограмма кокаина? Ну и пара смачных историй о том, что килограмм было не два, а три и как именно они туда поместились. С подробностями. Однако опросить фокус-группу все-таки стоит. Вдруг всплывет что-то интересненькое, хоть для газеты, хоть просто так.

Для начала я зашла домой и покопалась в интернете. Голубоглазого блондина зовут Самит Сатаев, и он определенно крашенный, но его это не портит. Куча его фоток на форумах полностью раскрыли мне его певческий талант. В остальных темах были в основном поиск тайного смысла в песнях, признания в любви и море анимированных сердечек. Ничего стоящего, но не страшно: это «дневная часть информации», а все вкусное обычно открывается ночью. Так что к вечеру пойду ловить на живца.

У черного входа ДК уже крутилась стайка совсем молоденьких девчонок с плакатами и фотками голубоглазика. Фанатки в ожидании пяти минут счастья, автографа, футболки с плеча кумира и, разумеется, любви с первого взгляда. Вполне могу их понять.

– Привет, девчонки. Вы узнавали, он отсюда пойдет?

Отвечать мне не торопятся, да и смотрят подозрительно. Конечно, я же конкурентка. Вдруг заечка-блондинчик на меня посмотрит, а не на них.

– Я просто с радио, ЗапЯтая меня зовут, мне у него интервью взять надо.

Ага, вот моментально проснулись интерес и доброжелательность. Такие школьницы-котятки, а сразу почуяли перспективы.

– Да, нам охранник сказал, он тут пойдет. Мы его ждем, говорят, он, ну, они подбирают ассистентку в группу. Ну, типа офис-менеджера такого. Примерку там устраивать, напитки приносить, десерты... А потом можно будет войти в состав группы, ну, типа бэк-вокал. Они постоянно тестируют кандидатов, только пока не выбрали никого.

Ага-ага... Завтра прямо так с утра и расскажу: музыкальная молодежь озабочена проблемами трудоустройства, перспективами развития музыкальной индустрии и вот это вот все, в духе старперских лозунгов дедулек из спортивной колонки. Если не рассмеюсь, конечно.

Но это же надо, блин, вы посмотрите на нее! Тестируют, видишь ли, кандидатов, а ты им будешь десерты приносить! Прямо в глазах написано, какие десерты ты ему носить собираешься. Только, рыбка моя, куда ты лезешь, ему ведь даже посмотреть на тебя – статья. Однако вслух я говорю совсем другое и узнаю последние новости о творчестве этой и других групп. Кстати, совершенно новой для меня стала информация о том, что певцы не носят трусов на концерте. Хм-м... неужели действительно не носят? Надо будет непременно проверить.

Максим Линчев

Я взял на себя самую сложную часть мониторинга – и решил обходить кабаки, бары и ночные клубы. На самом деле – именно там тусует наша самая верная, самая платежеспособная читательская аудитория. Я представлялся репортером, вынимал диктофон и подсаживался за столики. Спрашивал: что интересно, какие газеты читают, какие передачи смотрят.

Потом мне это надоело и я начал просто заводить разговор в духе: «Вот – читал газету, там про Пугачеву знаете что написано?!». Эх, видели бы вы, как люди начинали спорить! А я им в ответ: «Леонтьев отбелил анус! Да что ж это делается!» А потом: «Моисеев едет в Голландию и женится на Киркорове! Там гей-браки разрешены! Масляков решил сменить пол! Игорь Сорин не разбился, а улетел на Луну!» Ох, что тут было! Что было! И как мне наливали...

– Парень, а ты откуда это знаешь?

– Да я журналист! В Москве был на стажировке! Со всеми звездами в гримерках перебухал!

– Ну давай выпей со мной!

– И со мной!

В «Теме» было шумно. Я пошел туда, потому что собирался закончить этим заведением и потихоньку двигать домой.

Я направился к барной стойке, оглядел диспозицию. Все столы были забиты, а на танц-поле неумело дергались несколько стройных пар ножек. Оно и понятно, в такую погоду даже в этой дыре будет тесно.

Ну, пора начинать. Раз столы заняты – опрошу бармена. Надо сказать, что под финал вечера мой бодрый тон начал сдавать темп.

– Э-э-э, уважаемый, а э-э-э, вы знаете про новые новости на э-э-э, нашей эстраде? Я про песни... Ну, э-э-э, Расторгуев-то из «Любэ», вы знаете, что он кастрат? Ему пришили яички доброй обезьяны (прямо так и сказал, представляете), поэтому голос такой. Ну, это... выйду ночью в поле с коне-е-емм... Я сам певец, мне рассказали на гастролях. Гармонист его, из «Любэ», сказал, который с бородкой...

И тут справа подплывает ко мне огромный амбал и голосом злой обезьяны произносит:

– Узнал?

– Нет, – говорю. – А должен?

– Тебе бы стоило...

Амбал сел рядом и в упор уставился на меня. На его уродливом табло ясно читалось, что пришел он нарочно по мою душу и свалить мне так просто – не удастся. Значит, будем действовать старым проверенным методом – как попрет.

– Ты Васяна помнишь? – промычал шкаф.

Я делаю удивленное лицо, хмурю брови. В этом шкаф был прав. Я действительно не только мигом вспомнил тощего типа по имени Васян Левитан (бывает же), но и события двухдневной давности, связавшие нас с этим скользким обмудком в баре под депрессивным названием «Бездна» – я его посетил с опросами два кабака назад.

Марат, отмечая удачную полулегальную сделку с продажей древнего автомобиля какому-то Гагику, позвал обмыть это великое событие. Мерно заряжаясь алкоголем, мы стояли плечом к плечу, как мушкетеры, выслеживая добычу на ночь, и не заметили, как в дальнем углу, прямо из пучины «Бездны» всплыл известный гопник, полублатной, отсидевший два года за хулиганку, Васян. Как выяснилось минутой позже, он абсолютно ни с чего приревновал ко мне свою куцую телку. Подкравшись к нам со спины, одним движением Васян попытался столкнуть нас с Маратом головами. Скорее всего, он видел этот прием в каком-нибудь сраном боевике или типа того. По его расчетам, мы должны были дружно упасть к его белым в сетку туфлям.

Но, на его беду, этого не только не случилось, зато сам он вдруг побледнел, осознав цену ошибки, потому что никого из его друзей-древопитеков рядом не наблюдалось. Я двинул лбом ему в нос, после чего бой был завершен. Васян, матерясь и харкая кровью, обещал «порвать меня, как Тузик грелку», при следующей встрече. После чего, опираясь на свою облезлую блондинку, убрался из «Бездны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.